

Владимир Лещенко

**Корсары. Легенда
о Черном Капитане**

«Автор»

2012

Лещенко В.

Корсары. Легенда о Черном Капитане / В. Лещенко — «Автор», 2012

Капитан Питер Блейк и не думал становится «джентльменом удачи», но как оказалось – у судьбы на него иные планы. Вначале – таинственные наниматели подрядили его доставить ценный груз в Вест-Индию. Затем была ссора с загадочным незнакомцем в кабаке и дуэль... Потом – нелепое обвинение в хищении груза и пособничестве корсаром, тюрьма, приговор и побег вместе с другим узником, завершившийся на палубе пиратского брига «Обрученный с ветрами»... Вместе с новыми товарищами среди которых – молодой португальский идалго Хекторо до Барбоза и боцман Билл Тернер, под началом капитана Джона Серебряного, Питер Блейк отправляется на поиски сокровищ старого пирата Олонэ... Но мало того что сокровища эти прокляты древними индейскими богами – так еще как выяснилось Блейка преследует и иное проклятие – проклятие Черного Капитана.

© Лещенко В., 2012

© Автор, 2012

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УРАГАН СУДЬБЫ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Лещенко

Корсары. Легенда о Черном Капитане

«Люди делятся на живых, мертвых и тех, кто ушел в море...»
Гераклит Самосский

*...Когда приходит Черный Капитан
Часы на башне отбивают полночь.
И в кабаках подвыпившая сволочь
Все чаще наполняет свой стакан...*
Английская баллада XIX века

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. УРАГАН СУДЬБЫ

Майским утром 168... года на одной из пристаней Лондонского порта стоял не без щегольства одетый человек на вид лет двадцати пяти или чуть больше. Синеглазый и загорелый, с волосами цвета спелого льна и непослушной челкой, и в лихо заломленной треуголке.

Он с полным достоинства видом озирал гавань. Кого тут только не было: и калабрийские шебеки с глазами по бокам форштевня, и мальтийские галеры, и огромные испанские галеоны, и марсельские ромберги; греческие трикандии привезшие товары Османской Порты, португальские баркалоны с большим косым парусом, и даже мощный французский трехпалубный линкор пришедший с визитом вежливости в столицу старого врага и недавнего союзника...

Сотни кораблей у причала или на якорях в гавани: одни только что прибыли, другие уходили в открытое море, а те поднимают паруса, готовясь отплыть; по заливу проворно сновали шлюпки и баркасы, на берегу толпились люди...

Но светловолосого человека они не занимали.

Он внимательно изучал пришвартованный тут же кораблик длиной ярдов около двадцати. Над его украшенным резьбой темно-зеленый борт возвышал ритмично чередующиеся сплетения вант и фалов, унизанных юферсами потемневшего дуба. Молодой человек прошелся вдоль борта по старым доскам пристани, изучая корабль взыскательным взглядом знатока.

Глаз его по хозяйски отмечал позеленевшую медь клюза, забитые сором отверстия шпигатов, грубо намалеванные фальшивые пушечные порты – наивная хитрость чтобы отпугнуть морских хищников... Дойдя до ахтерштевня, круто вздымавшегося вверх вместе с ахтеркастелем – надстройкой кормы, производившей внушительное впечатление, он некоторое время созерцал эту скошенную устремленную вверх башню, украшенную затейливой резьбой акростоля – витые фестончики, дельфины, тритоны, рыбы и Бог весть еще что... По этому признаку даже менее искушенный чем он человек опознал бы судно, вышедшее из-под топоров и рубанков деловитых голландских бассов.¹

– Работа хорошая... Святая Мария – и что за фигура!

Над ним, на самом верху ахтеркастея, торчала солидных размеров дама. Густо позолоченные косы ее были толщиной в канат, алые уста раскрыты в вечной улыбке, искусно выточенные зрачки глаз загадочно устремились в сторону горизонта. Пышные деревянные складки платья вздымал неукротимый ветер странствий, а в правой руке мадам кокетливо держала веер размером со крышку от люка.

– Ну и ну! – пробормотал гость, отдавая должное мастерству резчиков. Ибо изготовители корабельных украшений – цех совсем особый, как он знал. Этому искусству поколения резчи-

¹ Басс (бас, баас) – корабельный мастер в Нидерландах.

ков посвящают жизнь и завещают его детям и резчик, даже если живот подведет от голода, ни за что не снизойдет до другого, например плотницкого, ремесла.

Вспоминая свои плавания в Нижние Провинции он улыбнулся – судя по всему фигура эта воплощала представления мастера о том, какой должна быть настоящая красавица. Он еще раз окинул искушенным взглядом корабль – от кормы до носа, где перечеркивал синеву неба бушприт, со всем полагающимся такелажем – блинда-стень-бакштагом, фока-штагом, топенантом... И довольно прищелкнул языком – была в этом корабле некая устремленность вперед, за которой чудились разорванные облака, убегающий горизонт и бесконечная линия курса, проведенная в океанском просторе. Чутьем и опытом он опознал в этом «старичке» хорошего ходока...

Приближающиеся шаги заставили его обернуться.

Беспечно насвистывая «Лиллибульеро», с кормового трапа в его сторону направлялся малый его лет, в сдвинутой на затылок зюйдвестке и распахнутой на мощной шее рубаше.

– День добрый, сэр, – сказал он доброжелательно, хотя глаза смотрели с некоторой настороженностью. Вижу, вам понравился наш «Дублон»? Я его боцман. Тернер, Билли Тернер.

– Как думаете, мистер Тернер, ваш корабль не перевернется от волны если пойдет слишком круто к ветру порожний или с небольшим грузом? – осведомился гость.

– Нет, если груз положат правильно, корму не будет заносить при сильном ветре, – улыбувшись ответил боцман. Сами видите – кораблик уже сколько времени ходит – ему за двадцать лет уже! Других – и получше и побольше – сколько пошло на дно, а «Дублон» все скрипит! Хороший корабль – у нас такие редко строят – тут еще голландцы нас обставляют. Единственное что плохо – княвдигед пашет волну так, что килевая качка бывает не дай Бог!

– А как оно управляется?

– Вижу, вы сэр на морях не новичок! – одобрительно кивнул боцман. И впрямь вид у него не очень – но руля слушается хорошо, не рыскает... – Тернер видимо готов был говорить о своем корабле часами – даже с незнакомцем. Голландская работа, говорю – что есть то есть!

Гость даже ощутил легкое недовольство – уж больно этот Тернер хвалил старых соперников Англии на море. «Должно быть, черт срет этими голландцами!» – вспомнил он брошенную в сердцах адмиралом Бэттенем фразу – которую нередко вспоминал его отец, служивший под началом сэра адмирала.

– А почему вы спрашиваете? – вдруг спохватился Тернер. Никак зафрахтовать думаете?

– А что – фрахт свободен, мистер Уильям? – осведомился прищурившись незнакомец.

– Да в том то и дело... – махнул тот рукой. Старые хозяева – контора «Пепис и сыновья» вконец разорилась и запрдала нас с потрохами какому-то мистеру Ройтону. А капитан наш – Джек Манфред, что-то с этим Дадли... В общем не срослось у старика, ну и ушел – говорил еще, что с таким хозяином только извиняюсь к Дэви Джонсу плыть... Так что сейчас мы без капитана – а вообще если что – то это к мистеру Дадли... Вот – без капитана мы... – повторил он.

– Считайте что капитан у вас есть, – вытянул из отворота камзола незнакомец пакет, украшенный алой печатью.

Читать умеете, мистер Тернер? Да – я Питер Блейк, назначен мистером Дадли капитаном на ваш корабль...

– Да, сэр... – растерянно кивнул Тернер.

И давайте поднимемся на борт – ибо нам предстоит долгий и важный разговор.

* * *

Обход и осмотр корабля много времени не занял. Внутри кораблик понравился Питеру меньше чем снаружи – тесноват, грязноват, и тухлой водой из трюмов припахивало больше

чем надо. Однажды почти под ноги попала крыса – большая и серая. Само собой корабля без крыс наверно не сыскать на всех морях – но уж больно вальяжно та шествовала – явно не боясь доброго удара матросского башмака.

По свистку Тернера у грот-мачты поприветствовать нового капитана собралась вся команда бывшая на борту – одиннадцать человек – от пожилого, седого как лунь плотника Джека Соммерса, до матроса Костейна – парнишки лет шестнадцати.

Еще шесть человек были на берегу. Как прикинул Питер, команда ему досталась может и не лучшая в Англии, но во всяком случае вполне на вид надежная. Не худо было бы конечно нанять еще человека три-четыре – но пожалуй не в этот раз.

Придав лицу должный вид строгости и высокомерия – без которых никакой капитан не сможет командовать столь лихим и разномастным людом, каким являлись во все времена моряки, Блейк назвал себя, и распустил команду по работам.

Затем приглашающе поманил Тернера в капитанскую каюту.

Каюта, была невелика, в ней помещались лишь стол под квадратным иллюминатором, койка в подобию алькова, пара табуретов и... И все. Обычная каюта не блещущих удобствами и большим количеством места небольших парусников. Над головой болталась позеленевшая медная лампа с неважно вычищенными стеклами.

Боцман отодвинул ящик стола, и Питер увидел аккуратно уложенные в коробку изнутри обитую сукном квадрант и ноктурлябию². Там же лежал толстый разбухший том судового журнала.

– Вот, – как – то виновато улыбнулся он. Вся капитанская снасть которая извиняюсь есть. Старый Марло когда уходил свое забрал с собой – то что на свои деньги куплено. А это было прежним хозяином выдано – он так и сказал – мол мне чужого не надо.

И зачем-то добавил:

– Вы уж не взыщите, мистер Блейк.

– Скажите, мистер Билл, – вы боцман, хоть корабль и не сильно большой – а ведь годов вам не так много, – осведомился Питер, встав и измерив каюту шагами – вышло что от иллюминатора до двери восемь шагов а от стены до стены – семь.

Как так вышло?

– Да вот, вышло так, – Тернер явно встревожился, видать опасаясь как бы новый капитан не решил поискать себе другого боцмана – посолиднее да постарше.

В позапрошлом году в Ля-Валлете от нас почти треть команды дезертировала – мальтийцы людей в поход на турок набирали – а там и добыча, и жалование побольше обещали... Ну и ушел народ и прежний боцман с ними. Вот мистер Марло меня и назначил. С тех пор и состою боцманом, – с достоинством пояснил он. Но вообще-то я в морях с двенадцати лет – в Новую Англию ходил, в Индию... Полтора года на королевском фрегате лямку тянул – на «Медузе. Тоже школа хорошая. Хоть и линьками учат – но кто захочет, тот и там не пропадет. Ну а уж потом на «Дублон» попал...

– А с военного флота почему ушел? – осведомился с некоторым подозрением Питер. Иметь дело с дезертирами каких много плодил флот Ее Величества особого желания у него не было – закрыть глаза если какой матрос когда-то сбежал из-под «Юнион Джека» – это одно, а вот столь важное лицо как боцман – совсем другое.

– Так списали меня на берег, – пояснил Тернер. Мы как раз в Кале пришли – а тут на борту тиф. Ну и меня скрутило. Ну стали под желтый флаг, всех болящих к монахам местным

² Ноктурлябия – прибор до изобретения хронометров использовавшийся при вычислении долготы. Состоял из нескольких металлических или деревянных дисков, скрепленных в центре так, что они могли поворачиваться относительно друг друга и рычага, также закрепленном в центре кругов. Благодаря ноктурлябии навигатор мог определить точное время ночью, если только были видны звезды.

сvezли – ну а потом ушли в Англию. Ну из нас полутора десятков только один я и выжил... Так что ни в каких списках не числюсь, не извольте беспокоиться.

– Ну ладно, мистер Тернер, – буркнул задетый почему-то за живое этой историей Питер. (Хотя умом понимал что, пожалуй, безвестный джентльмен и офицер – капитан «Медузы» был пожалуй прав – ибо тиф и прочие лихорадки на борту иногда убивали экипажи целиком). А скажите-ка вы мне – жалование команде выплачено полностью?

– Ну да, – кивнул боцман. Мистер Марло уходя сполна рассчитался – правда в судовой казне денег немного прямо скажем осталось...

– Ну не беда – бросил Питер, широко улыбнувшись, и вытащил кошель. Вот тут почти два фунта мелкими деньгами. Сегодня когда отсутствующие вернутся на борт, вы мистер Тернер соберете всю – всю команду и поведете ее в какой-нибудь кабак – пить за мое здоровье. Понятно? На борту не должно остаться никого – потому как сегодня вечером у меня будет важный разговор с господами арматорами – и он совсем не для чужих ушей! Погуляйте хорошо – ну а если пара-тройка шиллингов у вас останется – отчет спрашивать не буду. Все!

* * *

Когда этим утром Питер открыл глаза, за окном опять шел дождь. Вздохнув, он сбросил с себя плотное шерстяное одеяло. К утру похолодало, и свежий весенний воздух подействовал на Питера бодряще. Не отрывая голову от подушки, он смотрел на невысокие дубы за окном; деревья раскачивались на ветру, и их ветви клонились к западу.

– Проклятие... – пробормотал Питер. Он видел во сне прекрасную девушку, залитую серебристым лунным светом. Девушку с длинными золотистыми волосами. Девушку с мечом на поясе и в так соблазнительно обтягивающей юную грудь батистовой рубаше навыпуск, поверх узких штанов заправленных в ботфорты...

Устроившись в постели поудобнее, Питер закрыл глаза и попытался уснуть. Однако это не удалось. Снизу доносился шум – обычное утро гостиницы «Слон». Вот раздался раскатистый смех хозяина, вот звякнули ведра... Питер уловил запах съестного, возможно, рыбы и горячего хлеба. Питер почувствовал голод.

Но думал он вовсе не о завтраке. Ему не давал покоя странный сон... Питер открыл глаза быстро оделся и, бросив взгляд на смятую постель, направился к узкой и крутой лестнице.

Внизу была обширная комната провонявшая табачным дымом и элем, да пышущая здоровьем девица – недавно принятая на работу служанка Глори. Она с улыбкой подошла к нему:

– Вам завтрак, капитан?

Питер уселся за столик рядом с камином и протянул к огню руки.

– Да. И большую кружку крепкого сидра, если у вас есть.

Девица сначала принесла сидр. По укorenившейся морской привычке Питер залпом осушил кружку. Пламя камина согрело его тело, а сидр – пустой желудок. Но Питер не оценил должным образом напиток, он почти не притронулся к завтраку, состоявшему из соленой рыбы, вареных яиц, горячего хлеба и фасоли...

Поднявшись из-за стола, Питер решил прогуляться. Ему хотелось поскорее выбраться на свежий воздух. Уже стоя, он выпил вторую кружку сидра и заел хлебом. Затем, надев треуголку, с угрюмым видом направился к двери. Служанка смотрела на него с восхищением, ибо капитан действительно был великолепен: под серым плащом тонкого сукна виднелся малиновый камзол, расшитый золотой нитью; бриджи и шелковые чулки, а высокие ботинки с квадратными носками сверкали чистотой. Девице оставалось лишь надеяться, что капитан еще задержится в «Слоне» и, возможно, обратит на нее внимание. Но Питер не подал виду, что заметил взгляд девицы...

Хотя – пожалуй он вполне имеет теперь право затащить в постель хорошенькую служаночку – наверняка ведь не откажет.

Еще пять дней назад он бы даже об этом не подумал – ибо у него была Джемма. Джемма Джеммисон, старшая дочь почтенной вдовы Мэри Джемиссон, торгующей тканями в Ист-Энде, и капитана Мартина Джемиссона, погибшего в плену у алжирских корсаров, не дождавшись выкупа.

Именно пять дней назад он на очередном свидании в церкви сообщил Джемме что намерен просить у матери ее руки.

И услышал в ответ что матушка запрещает ей не только даже думать о браке с моряком, пусть тот был бы сам лорд-адмирал, но даже видиться с Питером.

– Но... почему? – только и смог спросить он. Только из-за того, что я моряк? Но ведь и муж твоей матушки и твой отец...

Именно поэтому, – сообщила Джемма, смахнув слезу. Мой отец... они с мамой очень любили друг друга. Я была маленькой девочкой, когда он погиб, но я помню, как родители относились друг к другу. Помню, как мама бывала счастлива, когда отец возвращался из плавания. Но однажды он не вернулся, и мама долго плакала... Я до сих пор помню, как разозлилась она когда я сказала что ты сам капитан...

– Разозлилась? Но почему?

– Потому что папа редко бывал дома, а потом совсем не вернулся. Мама говорила что не хочет мне такой судьбы и еще... прости что у вас, мореходов в каждом порту по женщине и вам невозможно доверять – а таких как был мой отец теперь не сыскать...

– Значит, – проговорил Питер. – больше всего она боится, что тебя постигнет ее участь?

– О, Питер, – всхлипнула Джемма – но я боюсь того же...

Оставив невеселые воспоминания, Питер вышел в тесную, грязную переднюю, скудно освещенную дешевой свечой. В конце виднелась шаткая лестница, исчезающая в темноте.

Спустившись в холл он надел треуголку и вышел в приветившее его дождем лондонское утро. Путь его лежал к Ньюгейтским докам – к хозяевам его нынешнего судна, решившим сделать его капитаном, к людям которые будут решать – куда ему плыть. Когда-нибудь – может довольно скоро будет у него свой корабль, а то и не один, но пока – увы и увы...

Накрапывал дождь, но улица была полна народу. Питер осторожно перешагивал водосточные канавы посреди мощеной кривым булыжником улицы; грязная вода лениво текла среди мусора. Мимо со скрипом прокатила тележка старьевщика, до отказа забитая старым хламом; вроде ломаных табуретов, обтрепанных кафтанов и мятой луженой посуды. Точильщик острил ножи, принесенные тут же переминающимися с ноги на ногу и болтающимися кумушками, летели искры; работа не мешала ему сладко улыбаться ближайшей к нему молодой женщине в розовом чепце. Проезжали кареты, грохотали ломовые телеги, время от времени покачиваясь на руках дюжих ливрейных лакеев, проплывали носилки-портшезы с почтенными дамами или юными мисс внутри. Питеру этот способ передвижения не нравился – в плаваниях на Восток он часто видел как тащат похожие носилки, тяжело сгибаясь, прикованные к ним за ошейники рабы (да и вообще длинные деревянные ящики с дверцами уж слишком напоминали на его взгляд гробы). По улицам катилась пестрая толпа. Бедняки в обтрепанной одежде соседствовали с солидными господами.

Напудренные парики, роскошные шлейфы платьев, которые тащили негритята в красных фесках, кружевные воротники...

Из кофеен выскакивали озабоченные биржевые маклеры и клерки, стряпчие и атторнеи...

Настежь открытые лавки предлагали товар со всего света – от русского соболя до кайенского перца.

Нахваливая товар прошел продавец сладостей с большим лотком, он прокладывал себе путь через толпу, как корабль среди яликов. На пороге распивочной сидел пьяный старый извозчик с мутным лишенным и тени мысли взглядом, а над ее головой, как топор в руках не менее пьяного палача, раскачивалась окованная железом вывеска питейного заведения. Через несколько минут Питер оказался на Ньюгейтской улице, стоя возле того самого дома. – двух-этажного, каменного, с узкими подслеповатыми окнами и почерневшей черепичной крышей, увенчанной коньком являвшим собой голову дракона. Окна у него были старинные, с ромбовидными стеклами, с частым свинцовым переплетом, в каминных трубах ласточки вили гнезда. Тут и располагалась контора арматорской компании «Бриксвит и Ройтон» контракт на службу у которой он подписал несколько дней назад – причем не видя ни у того ни другого, а при посредничестве стряпчего мистера Рипли – на коего оные господа почему-то возложили поиск капитана.

Молчаливый привратник с невыразительным лицом мола кивнув, что то пробурчал под нос, когда он назвал себя, и провел в пахнущую кошками и кислой капустой полутьму.

Внутри дома все носило печать времени – источенные червями дубовые панели на стенах, древние балки подпорки которые держали стены и потолки еще со времен войны Алой и Белой Розы, а то как бы еще не Гастингса. Безжизненный и тусклый дневной свет, просачивался сквозь матовые стекла окон и световые люки в потолке, как будто проходил сквозь толщу воды.

За дверью узкого темного кабинета его уже ждали.

Пожилый, невысокий но бодрый человек с карими глазами, в синем полукафтани, и бриджах цвета перца с солью сидел за старым дубовым столом. Темные волосы на голове были только кое-где тронуты крапинками седины а вот бакенбарды у него были уже почти совсем белые.

– Мистер...

– Ройтон, – кивнул тот. Добрый день, мистер Питер Блейк! – голос прозвучал в полумраке резко и насмешливо. Рад вас видеть в добром здоровье, – любезно сообщил хозяин.

– Спасибо, сэр...

Гость и хозяин уселись в кресла.

– Я решил пригласить вас к себе, дорогой капитан Блейк начал Ройтон, – для того чтобы прояснить кое-что важное. Хотя вы еще молоды – вы наверное уже у спели заметить что наша торговая компания появилась лишь совсем недавно, и вряд ли вы много слышали о нас...

Питер молча кивнул – в самом деле ему не доводилось слышать о владельцах «Дублона» вообще ничего – кроме того что им вдруг понадобился капитан.

– Впрочем, – словно спохватился мистер Ройтон, – вряд ли это важно. Вы бы хотели знать – для чего вы здесь?

Он пристально посмотрел на капитана.

– Ну что ж, дорогой Блейк, перейдем к делу: нам нужны вы – ибо вы человек молодой, не связанный семьей, и главное – честный и опытный.

– В Англии насколько я знаю, нет недостатка в честных людях, – с некоторой растерянностью сказал Блейк. Да и поопытнее меня найдутся...

– Верно, – кивнул собеседник. Мы могли бы найти много людей и – уж извините – поопытнее вас, и с большими заслугами. Но как бы вам сказать – эти капитаны и корабли – они на виду, они заметны... За каждым из них тянется шлейф молвы – их имена на слуху...

– Признаться, не очень понимаю, – медленно выговорил Питер.

– Но ведь это просто! – воскликнул Ройтон. – Если например мистер Снаука на своем «Божьем любимчике», или мистер Чарльз Хаксли на «Дромадере», а тем более – старина Фицджеральд и его «Манчестерский щеголь» отплывут куда-то – то уверяю вас – об этом будут судачить во всех кофейнях и пивных Лондона или Бристоля. Но кто вспомнит про старый «Дублон» и его капитана? Про маршрут и цели каждого знают задолго до отплытия, и за каждым

из них вольно или невольно следят сотни глаз – и не все из них такие же честные как у вас, мой капитан! А не надо забывать – особенно в морях Испанской Америки немало пиратов – и ниточки от многих из них тянутся аж в добрую старую Англию.

– Да, – вздохнул Ройтон, – в свое время корона оказалась слишком снисходительна к этим мерзким тварям, ибо они довольно – таки недурно пощипывали перышки Мадриду. И при этом мы забыли что Испания сегодня враг а завтра союзник – но вот торговля – торговля вечна! Да...

– Итак к делу, – вернулся Ройтон к действительности. – Вам предстоит важное и не очень опасное дело, – вы будете возить ценные грузы о которых должно знать как можно меньше людей. В Новую Англию, на Ямайку, во французские владения, и даже на Испанский Мэйн...³ Грузы принадлежащие отнюдь не моей скромной конторе, но людям куда более богатым и солидным... Не всегда об этом грузе будут знать даже ваши моряки – но всегда оплата не заставит вас сожалеть.

Некоторое время Питер собирался с мыслями.

– Контрабанда? – наконец осторожно спросил он.

– Мистер Блейк, – с улыбкой взрослого дядюшки объясняющего очевидные истины непутевому юному племяннику ответил судовладелец. Ну сами подумайте – зачем бы занимаясь контрабандой мы бы стали искать честного человека? Напротив – на каждый груз вам будут предъявлены безупречные бумаги.

И для начала – вытащил из ящика стола лист плотной веленовой бумаги украшенный солидной печатью...

Питер принялся читать выведенные идеальным писарским почерком строчки...

«Не может быть!» – промелькнуло у него в мозгу.

– Сам лорд Берли? – растерянно вымолвил он.

– Да – член совета директоров Британской Ост Индийской компании, – подтвердил Ройтон. Ваша премия составит полсотни фунтов – которые вам выплатят сразу по прибытии в Порт-Ройал.

Недурные деньги, не правда ли, мой юный друг?

От вас потребуется немного. Для начала...

...Итак, если наши условия подходят, – закончил Ройтон, подвигая Блейку лист бумаги, – можете подписать договор.

– Но я уже подписал, – у стряпчего Никлсона...

– Да – но это особый договор – обратите внимание на второй параграф, где сказано...

– Что я обязан хранить в тайне наше соглашение, сэр? – догадался капитан.

– Разумеется. Но это и в ваших интересах – ибо пираты тоже любят золото да и таможня иногда готова наложить лапу на ценный груз – пусть даже он ввезен законно.

Напутствуемый пожеланиями успеха, и провожаемый молчаливым привратником, Блейк покинул старый дом.

На душе было слегка беспокойно – и в самом деле, ничего подобного он не ожидал.

* * *

Солнце уже почти зашло, когда его команда, пошатываясь и пьяно бормоча, возвратилась на корабль.

Вышагивавший позади всех Билл был однако трезв или почти трезв, что порадовало Блейка весьма и весьма. Ибо во первых – трезвый – ну или умеющий пить боцман – сам

³ Испанский Мэйн – изначально побережье Карибского моря в Центральной и Южной Америке. Позже это название употреблялось в отношении всего Карибского моря.

по себе ценное приобретение для всякого соображающего капитана. Во вторых – судя по всему несмотря на молодость тот умеет держать подчиненных в руках – эвон как пригнал их с пирушки – ни дать ни взять пастух, загоняющий ввечеру овец в хлев. А ведь не овечки – а лихой да горластый народ.

– Вы вижу не пьете, мистер Тернер? – осведомился капитан.

– Стараюсь, сэр! – кивнул боцман. Слишком много пострадал в жизни через это – так что стараюсь быть умеренным...

– А со мной выпить не откажетесь, мистер Билл? – вдруг спросил Блэйк.

– Как можно, – улыбнулся боцман. Только вот... У нас на борту конечно есть пара бочонков вина да пиво – но они в провизионной кладовой закрыты – а кок будет только завтра – он отпросился... Есть у него тут зазноба, – с виноватой улыбкой сообщил Тернер. Я и разрешил... А ключи он с собой таскать повадился – вот оно как!

– Ничего страшного, боцман, – хлопнул его Питер по плечу. Я думаю нам надо отметить мое назначение на «Дублон» с вами – раз уж офицеров на корабле больше кроме нас можно сказать и нету. Нет ли тут поблизости приличного заведения где можно посидеть за чаркой, и где виски не разбавляют?

– Так точно, есть! – довольно ответил Уильям. Неподалеку – квартала два – «Веселая русалка» – неплохое местечко...

– Ну тогда пойдемте – посмотрим что за русалка! Угощение за мой счет!

– Сейчас, – почему-то просиял Билл, – – только вахтенного назначу...

Через пять минут они уже шагали по улицам Ист-Энда, оставив порт позади. Окружающее погружалось в тьму надвигающейся ночи.

Скособоченные домики, шаткие мостки с прорастающим сквозь них чертополохом, сады с их глухими оградами, горы рассохшихся бочек возле пакгаузов.

Тернер и Блейк неторопливо прошли вперед, а потом, свернув в другой переулок, вышли на улицу Полумесяца и вошли в таверну.

Вход украшала вывеска: особа женского пола с пышными формами и рыбьим хвостом с пивной кружкой в руке. Обычное лондонское злачное местечко, где смазливая рыжая девка нальет гостю полную кружку пива и подаст кусок жареной баранины. Они заняли угловой столик справа от двери, в ожидании выпивки.

Клубы табачного дыма, запах дешевого вина и пива, беседы, трезвые и полупьяные, толчея, шум... Между крепкими столами сновали разносчики... Писк скрипок, пьяный смех и вой за столиками, женский визг; крепкие «морские» термины, чей-то залихватский свист – все сливалось в ровный гул... Посетителями таверны были большей частью матросы – жилистые, выносливые парни, загоровшие под тропическим солнцем и покрытые многочисленными шрамами. В таверне можно было встретить женщин в безвкусных, кричащих нарядах, подмастерьев и мелких фермеров, которые с раскрытыми ртами прислушивались к фантастическим рассказам бывалых людей. Время от времени посетители бросали взгляды туда, где расположились капитан и боцман, но ни один не стал нарушать их уединение.

Вдруг кто-то стукнул кулаком по столу и завопил:

– Пусть чертов хозяин шлепнется пьяный в канаву, пусть вспучит ему брюхо дохлыми лягушками, пусть вползет ему в глотку гнилая жаба и пойдет он мертвым ко дну с семипудовым камнем на шее!~

– Проглотили бы черти собственный хвост! – поддержал его кто-то. До чего надоела мне эта морда. Вот морда!

За большим столом шла игра.

– Прикупаю!

– Вздор!

– Битая карта!

– А ты, морячок, видал, как мертвецы плавают? Вот!

– Разрази меня гром, это была моя последняя надежда!

– Простись с ней весело, Рик: я-то не хныкал, когда ты меня стриг как барашка...»

Раздался грохот падающих стульев, шум борьбы, рычание: «Я вырву ее у тебя из глотки, старая макака!»

Но скандалистов успокоили.

В углу кто-то затянул старую балладу:

*Там, где вдали за морскою стеной,
У дальних шлюзов морских,
Свергает в пучину вода корабли,
Где смерть поджидает их...*

...Позже Питер не раз вспоминал тот вечер и ту минуту, думая что именно тогда *все* началось, тогда изменилась его судьба, судьба многих людей, а то – как знать – судьба мира??

...Дверь трактира распахнулась, и в таверну, сопровождаемый порывом ветра и брызгами дождя, вошел высокий мужчина в зеленой бархатной накидке, шелковых бриджах и украшенном вышивкой камзоле.

Сдвинув шляпу на затылок, незнакомец сбил песок со своих украшенных серебряными пряжками ботинок и захлопнул дверь. Сразу было понятно что перед ними человек небедный. Об этом без слов говорили отложной кружевной воротник, дорогая шелковая рубашка, расшитые лентами и золотым галуном штаны... Его щегольской камзол фиолетового сукна был отделан серебряным кружевом, рукоять шпаги поблескивала золотом.

Чулки из белого шелка, туфли из черной лакированной кожи, такой же, как на поясе, с тяжелыми серебряными пряжками. Шляпу украшали страусовые перья.

Лицо трудно было трудно разглядеть, но во всем облике незнакомца чувствовалось нечто высокомерное, можно даже сказать – презрительное.

И вдруг Питеру стало так не по себе, как будто не неведомому Ричарду а ему в глотку залезла «гнилая жаба».

Он спустился в зал. Парика он не носил, а в ниспадавшей на плечи густой черной шевелюре не было ни единого седого волоска. Подтянутый и худощавый, он был словно высечен из цельного куска железного дерева. Коротко подстриженные тонкие усики и бородка казались нарисованными на его оливково-смуглом лице.

Он шел, обводя собравшихся сверху вниз своими угольно-черными глазами – такими темными, что зрачков не было видно. Гибкие, длинные пальцы были унизаны более чем полудюжиной перстней с крупными рубинами и изумрудами. А на отвороте камзола болталось странное украшение-аграф. То ли застежка то ли большая брошь из зеленоватого золота с рубинами – каждый величиной с ноготь. Переливаясь на свету тысячью граней, они походили на застывшие кровавые слезы.

Его сопровождал слуга или телохранитель – а может просто приятель – смуглый крепко сбитый бородач с коротким кривым клинком у пояса тип в грязном бархатном кафтане, таких же бархатных штанах и измазанных дегтем морских сапогах.

Оба гостя огляделись – лучшие места были уже заняты... Приличия и обычаи морского люда предписывали в таком случае либо тихо уйти, либо вежливо попросить разрешения сесть за чей-нибудь стол.

Но странная парочка поступила по-другому.

Направившись прямо к Питеру, человек в шляпе развязно осведомился.

– Сударь, вы не пересядете?

– Простите, сэр, не имею чести вас знать, – пробормотал Питер подавляя в себе непонятную робость смешанную с каким-то еще более непонятным испугом – ведь голос чужака не был угрожающим и на вид он не походил на грабителя или убийцу.

– Простите, – повторил он, – но я пришел сюда первым... Соболаговолите поискать другое место... И на всякий случай придвинул правую ладонь поближе к эфесу шпаги.

Дальнейшее выглядело если не странным, то во всяком случае – непонятным.

Чуть усмехнувшись неприятным смешком пришелец отступил на пару шагов. Зато засаленный бородатый головорез подошел, шатаясь, к Тернеру и свирепо взглянул на сидящего перед ним боцмана.

– Поднимайся, ты, драный петух! Уступи место джентльмену, который в сто раз важнее тебя!

Все сидящие за соседними столами повернулись к камину. Питер нащупал эфес, а боцман продолжал так же молча, неподвижно сидеть, только бросил пристальный взгляд на задиру. Затем спокойно сунул руку в карман, достал набитую трубку и приготовился закурить. Сунув трубку в рот он словно вспомнил о чем-то и внимательно посмотрел на побагровевшего от ярости неряху.

– Странно, – промолвил он, – вроде бы тебе приятель солнцем голову напекло – но сейчас осень? Да и солнца нет – ночь кажется? Хотя... говорят на безумцев Луна тоже действует... Как раз полнолуние сегодня!

– Насчет Луны ты не беспокойся, – процедил тот в замешательстве. Про нее говорить не будем! Ты Луну не трогай – а я не трону тебя.

– Ну и славно! Ступай-ка братец, – Билл был сама доброжелательность.

Для напарника щеголя такое поведение явилось большим сюрпризом. В первый момент он изумился, затем, изрыгая брань, вырвал трубку изо рта Тернера и вдребезги разбил ее об пол. Боцман неторопливо поднялся на ноги. Ростом он был немногим больше шести футов, – так что его темноволосая голова слегка задела почерневшие от дыма балки потолка, – а ширина плеч под фиолетовым камзолом могла вызвать у задиры тревогу, если бы он имел время подумывать. Мозолистая смуглая рука, потянувшись, и как будто тиски сомкнулись на шее буяна, так что он покачнулся, а другая рука крепко схватила его за штаны. Тернер приподнял нападавшего и с грохотом швырнул в угол, на шаткий столик, сломавшийся от удара, как лучинка.

В наступившей тишине Уильям спокойно уселся на место и подозвал служанку, которая смотрела на эту сцену разинув рот.

– Вот! – сказал Уилл и бросил ей пару шиллингов. – Это плата за беспорядок который мне пришлось тут организовать...

Ворочаясь среди черепков здоровяк пытался подняться. Вот он встал, наконец, потряхивая головой. Оглянулся на своего хозяина, и угрюмо взрыкнув, двинулся на Тернера...

– Сударь, – бросил Питер щеголю, поднимаясь, решив что время вмешаться и вытаскивая шпагу, – уймите вашего друга или мне придется поучить его хорошим манерам – после чего он вряд ли вам пригодится...

Он запоздало сообразил что брошенная в сердцах фраза звучит двусмысленно, тем более собравшиеся напряженно захихикали. Он само собой ничего такого ввиду не имел, хотя содомия не была для него чем-то невиданным – среди моряков такое бывает – также как впрочем и среди монахов или там адвокатов с разными актерами. Отец его старался не брать на борт уж слишком явных «голубков» – но когда в команде вечно не хватает людей не до законов и приличий...

Некоторое время громила переводил взгляд с Питера на Тернера, а потом выбрав наконец цель вновь двинулся – уже на капитана...

– Стой, Урфин, – прозвучал насмешливый высокий голос. Не стоит... Оскорбление нанесено в конце концов не тебе а мне – как твоему командиру. Но сейчас не время и не место

решать этот вопрос, – незнакомец как-то странно держался в тени, так что шляпа закрывала ему лицо – от чего вся картина выглядела слегка зловеще. Мы сейчас уйдем, оставив этих добрых джентльменов...

– Сударь, – сухо произнес Питер, – если вы считаете...

– Нет нужды, молодой джентльмен, – насмешливо сообщила ему тень под полями шляпы, – можете считать что вы закончили дела с Урфином, а со мной еще не начинали. Урфин – за мной...

И оба исчезли за дверью, так словно их тут и не было.

Засобирался и Питер через какое то время.

– Мистер Блейк, – наклонившись к уху осведомился Тернер, – я думаю нам надо выйти через кухню. Не считайте меня трусом но эта парочка мне не нравится – Бог знает что от них можно ожидать!

Питер хотел было усмехнуться в ответ, но сдержался.

– Хорошо... – просто сказал он.

Сунутые кухарю шесть пенсов открыли им заднюю дверь, и они вышли в грязный вонючий проулок.

Дождь прекратился, и луна выглядывала из-за рваных облаков. Капитан махнул рукой Тернеру, поправляя треуголку и пошел быстрым шагом, не подозревая, что движется навстречу своей судьбе. Они прошли шагов двести как дорогу им преградило двое. ...И даже не видя еще лиц, Питер внезапно все понял...

Капитан взялся за эфес.

– Сударь, – тихо, почти по змеиному прошелестел голос. Вы видимо этого не знали, но Альфредо д'Аялла всегда привык получать свои долги...

С негромким скрежетом клинок его покинул ножны.

– Если ваше оружие слишком коротко Урфин подаст вам свое.

И не пробуйте бежать – от Урфина еще никто не убегал... Да и я не старик!

Почувяв как напрягся Тернер, Питер спокойно обнажил шпагу.

– Нет – благодарю, – он сам поразился спокойствию своего голоса. Мое оружие меня вполне устраивает. – Эта шпага принадлежала Чарльзу Блейку, моему прапрадеду. Полтора века назад сам адмирал Дрейк наградил его этой шпагой за участие в сражении с «Испанской Армадой» при Гравелине. Ее отдал сэру Дрейку испанский генерал морской службы дон Аугусто де Пиночет. Он взмахнул шпагой, на эфесе которой были изображены короны; дельфины и морские духи, собравшиеся вокруг сидящего на троне Нептуна. Навершие эфеса украшала большая сапфировая звезда.

Толедская сталь с инкрустацией золотом блеснула при Луне – Питер не мог не восхититься лишний раз ее упругостью и закалкой.

– Хороший клинок, – понимающе кивнул Альфредо. – Им можно бриться.

– Это испанский клинок, и думаю не зазорно будет окропить его вашей испанской кровью, – сообщил Питер.

– Испанской? – высокомерно хохотнул д'Аялла. Ошибаешься, английский петушок – я люблю испанцев лишь чуть больше чем вас, англичан.

– То есть? – несколько опешил Питер. Вы разве...

– Я наваррец, – презрительно сообщил противник. Слышал про такой край?

Ну – готов? Тогда – а garde!

И он плавно перетек из одной позиции в другую, а его шпага зазмеилась в полумраке серебряным зигзагом. Но и Питер был не так прост. Капитан обрушил на клинок врага удар, которому его обучал один из его наставников – явно не на торговом корабле служивший. Хотя обычное оружие моряков – сабля и палаш, но капитан предпочитал более изящную и смертоносную шпагу, и достиг немалого мастерства во владении этим оружием... Тем временем

Урфин с пронзительным криком бросился на Питера. В руке его блеснул клинок. Пожалуй плохо бы пришлось капитану, если бы не Тернер, заступивший путь телохранителю господина Альфредо с кортиком. Ловко отведя его кривой тесак, он упер в горло оторопевшего громилы острие.

– Ловкий шельмец! – весело воскликнул Альфредо. И вправду, Урфин – это наше дело. Мистер капитан сегодня должен доказать что он настоящий мужчина, а не сопливый мальчишка, только что выпорхнувший их под юбки своей матери.

– Полегче, мистер француз, – бросил Питер, загораюсь – хотя и понимая что его хотят вывести из себя. Моя матушка давно умерла но мне не очень нравится когда ее поминают не к месту.

– Резонно...

Нехотя Урфин отступил к стене.

– Ты будешь плохо умирать, сынок, – с ненавистью процедил он, глядя на Тернера. Обещаю это тебе! Оглянувшись назад, Альфредо махнул шпагой, затем отступил и сделал резкий глубокий – на всю длину клинка – выпад. Питер в подробностях разглядел его оружие тяжелую основательную шпагу немецкойковки, с фигурной чашкой-гардой, которой ловкие фехтовальщики могли захватить клинок противника и сломать его или вырвать из рук.

Глядя на противника д'Аялла улыбался.

Питер еще раз вздохнула поглубже. Гнев покинул его.

Хорошо, наглая французская свинья – сейчас ты у меня перестанешь ухмыляться, черт бы тебя побрал!~ Питер перекинул шпагу из правой руки в левую. Он не владел обеими руками одинаково хорошо – но драться левой вполне мог – а удары с левой руки отражать не так просто.

Питер сделал первый выпад. Француз прижал ее шпагу сверху, и атаковал вдоль клинка, метя зацепить руку. Чуть заметным движением эфеса Питер отклонил удар, шпага противника только скользнула по ее камзолу, зато острие его шпаги коснулось плаща врага чуть ниже ключицы. Что – то кроваво блеснув в лунном свете – он даже подумал что зацепил д'Аялла – отлетело прочь.

– *Derche!*⁴ – выругался француз, отскакивая.

Улыбаться он уже перестал. Возможно, он успел понять что победа над молодым «наглецом» ему не гарантирована и что он ввязался в дело, которое может скверно закончиться для него. ...Шпаги вновь скрестились, чуть позвякивая друг о друга...

Аялла резко отбил клинок Питера вверх каким-то итальянским хитрым финтом и кинулся вперед.

Но за миг до того Питер нырнул под его удар.

Он присел так низко, что пришлось опереться левой рукой о грязный булыжник мостовой. И ударил снизу, метя в руку. И попал!

– Дьябло! – прохрипел Альфредо. А ты ведь меня зацепил, англичанин...

Отступив на шаг, он смотрела на него сверху вниз, как бы удивляясь что этот тип никак не хочет умирать.

Схватка возобновилась...

На этот раз д'Аялла сражался осторожнее, стараясь особо не нападать.

Питер следил за своим соперником, выбирая цель, однако тот двигался несколько иначе, чем это обычно делают нынешние фехтовальщики. Так помнится двигался наставник его учителя фехтования мастера шпаги Георга Хейза – старенький уже восьмидесятилетний маэстро Джованни Адальберто – иногда, когда навещая своего ученика и друга решал кое-что показать

⁴ Задница. (фр)

его подопечным. Неужто его учил кто-то из дряхлых знатоков вымершей почти ныне сложной старой итальянской школы?

Питер понимал что судьба свела его с опасным противником, который вряд ли пощадит его. И хорошо осознавал – как учили его – что с таким бесполезно пытаться уходить в глухую оборону рассчитывая что настанет момент когда противник отроется и даст ему шанс – обычно те кто ждал этого так и умирали, ибо противник шанса не давал. Спасение лишь одно – вперед, атаковать самому, не бояться пляшущего в воздухе как кобра лезвия, заставить врага делать ошибки...

Он отвел шпагу Альфредо вниз во время одного из его уколов и направил острие своего клинка в ему в грудь.

И не понял что произошло – капитан сделал стремительное движение как то по хитрому изогнутой рукой – та двинулась вперед, ударив предплечьем и ладонью снизу по шпаге Питера. Кажется перчатка Аяллы оказалась распорота, но удар был отведен. Что за черт?

– И так бывает, мой юный друг! – бросил француз, глядя Блейка. – Вижу вы удивлены? Парировать рукой? Да... На такое мало кто способен... Но вам не повезло – я обучен этому! И в этот момент в их схватку вмешалась судьба, на этот раз приняв облик четырех лондонских стражников, с алебардами наперевес, появившихся из-за угла. Несколько секунд подчиненные лорд-мэра взирали на нарушителей королевских указов и законов – видимо соотношение сил – четверо против четверых их не очень вдохновляло. Но потом, поудобнее перехватив древки оружия размеренным шагом двинулись к дуэлянтам. Не сговариваясь и не издавая ни звука Альфредо а за ним и Урфин ринулись в ближайший переулок. А мгновение спустя место действия покинули и Тернер с Питером – правда в другой переулок идущий в противоположном направлении. Остановились они пробежав квартала два, промчавшись не помня себя по убогим улочкам Ист-Энда, не забывая благословить Бога что у их жителей не было денег на ночную стражу и рогатки. Тут они остановились у полуразрушенного дома, тяжело дыша привалившись к стене... – А вы его почти сделали, мистер Блейк, – усмехаясь бросил вдруг Тернер. Зверь-то матерый, битый – видал я таких в портах да кабаках... Но все равно – если бы не стража – посмотрели бы какого цвета у него кровь!

– Спасибо, Билли, – ответил Питер, хотя был не особо уверен в правоте слов подчиненного. Но и ты меня выручил! – Ну а какой же я был бы боцман если б своему капитану не помог! Возьмите – протянул Тернер что-то Питеру. Ваш трофей! С недоумением тот некоторое время разглядывал в свете Луны мутным желтым блеском и кровавыми искрами вещицу. – Это его застежка – ну на плаще. Вы ее сорвали когда первый раз чуть не проткнули хмыря. Пожав плечами Блейк сунул увесистую побрякушку в карман. Пойдемте, мистер Тернер, бросил он. Ночь – не время для прогулок да и отплытие не сегодня-завтра. Несколько раз капитан и боцман вздрагивали при появлении навстречу патрулей стражи. Но в порт они вернулись благополучно. Короткая стычка не привлекла внимания, так как подобные происшествия были не редки в Лондоне.

* * *

...Под утро Питер вышел на палубу, и его разгоряченное лицо скользким шелком одела морская сумеречная прохлада. На расстоянии полукабельтова, покачивался на волнах фрегат «Медуза» и отблеск ее фонаря кровавой струей тек под корму. На баке и юте пенителя морей безлюдно и тихо; на шкафуте темнела фигура вахтенного матроса. Он горланил старую шанти:⁵

Просят судьи: «Назови

⁵ Шанти – матросская песня.

*Тайну нам твоей любви!»
– Судьбы, я теперь одна,
Месть моя была страшна...*

Он вдруг подумал что если сейчас броситься в воду с борта и проплыть до берега, то можно еще что-то изменить, переиграть в судьбе, неизбежно подступающей к нему.

Но он тут же отбросил эту мысль как нелепую и дикую! Тысяча чертей – он же капитан, и это его первый корабль! Но почему он не радуется, что тревожит его?

Или это из-за той идиотской дуэли с французом?

Он огляделся. Паруса были спущены – они стояли меж двух противолежащих якорей, или, как говорят моряки, на фертоинге. Корпус шлюпа тихо поворачивался до натяжения одной из якорных цепей, потом вздрагивал и начинал движение в обратную сторону. Питер подозвал вахтенного и велел ему завтра с рассветом собрать всех на палубе.

Завтра как можно раньше он отплывет. Уж спустившись в каюту он нашарил в кармане брошь, сорванную с д'Аяллы.

В сущности, вдруг подумал Питер, если представится случай он вернет украшение и попытается помириться с заносчивым бретером.

С этой мыслью он и лег спать на узкой койке, даже не раздеваясь – лишь стащив камзол и сапоги...

* * *

С мостика капитану Блейку был хорошо виден Порт-Ройял, в гавань которого они медленно входили. Город – столица владений английской короны в Карибском море стоял на оконечности узкой косы, вдающейся далеко в море, подобно вытянутой руке. Рейд представлял собой довольно глубокую бухту с прозрачной, как горный хрусталь, водой. Якорь устремился ко дну, распугивая многочисленные стайки рыб самой пестрой окраски. Они так и прыскали от него в разные стороны, будто осколки разлетевшегося вдребезги зеркала. Но вот, наконец, проскрежетало в клюзах последнее звено якорной цепи, и зазубренные черные лапы прочно впились в песчаное дно лагуны.

С некоторым разочарованием взирал Питер на открывавшийся вид, вспоминая восторги Тернера и рассказы других бывалых людей... Обычный портовый город каких он повидал немало – щетина мачт, которыми окаймлен причал, гул прибоя, который скоро перестает слышаться, как тиканье стенных часов.

По большому счету мало чем не отличается от Гамбурга или Бильбао.

Доки и причалы выглядели со стороны ничуть не менее внушительными, чем портовые сооружения в Лондоне. На сотни футов вдоль берега тянулись пакгаузы и штабеля разнообразных товаров. Знакомая ему с раннего детства картина с той лишь разницей, что здесь погрузкой и разгрузкой пришвартованных у пирса судов занимались по большей части рабы. Женщины трудились наравне с мужчинами. Они точно так же таскали на плечах тяжелые мешки и ящики, перекатывали бочки или несли на головах огромные корзины.

Сразу за портом раскинулся большой город, поднимавшийся уступами по склонам пологого холма вплоть до самой вершины. Убогие деревянные хижины сплошь и рядом соседствовали с добротными белокаменными зданиями с черепичными крышами. При этом все они лепились друг к другу почти так же тесно, как пчелиные соты.

Лучшего места для стоянки кораблей не вообразить. «Дублон» бросил якорь чуть дальше, чем обычно, сразу за двумя фрегатами и бригом.

С кормы брига донеслась знакомая песня.

*С квартердека раздается:
«Все на брасы! В дрейф ложись!»
Флаг приспущенный не вьется,
Оборвалась чья-то жизнь.
Как ведется меж матросов,
Тело в парус завернут,
Оплетут покрепче тросом
И за борт его толкнут.
Ни креста, ни глади моря,
Ни единого цветка.
Только волны, только зори
Над могилой моряка...*

У Питера, всегда перехватывало горло, когда песня доходила до этого места.

Вздыхнув, он спустился в каюту. Да – впервые в жизни у Питера на борту корабля была своя каюта. Должность штурмана шлюпа не такая уж высокая – чтобы ему полагалось отдельное жилище – это не фрегат или тем более – линкор с галеоном.

Так что хотя каюта была невелика и низковата, но для него стала домом родным. Со временем как надеялся Питер, будут у него обширные апартаменты – в каких обитают капитаны больших кораблей в тысячу или даже полторы тонн водоизмещением – ну а пока поживем в этой – хоть она темновата и сыровата, что греха таить...

Над его головой висела масляная лампа дававшая довольно света, чтобы Питер мог заполнять судовой журнал. Глаза у него горели от усталости, он с трудом сдерживал зевки, окуная гусиное перо в чернила и глядя на лист пергамента. У каждого морехода – собственная логия, бесценный журнал, куда записываются особенности океанов и морей, течений и побережий, гаваней и удобных мест для высадки; а также таблицы загадочных отклонений компаса, когда корабль углубляется в чуждые воды, и карты ночного неба, которое меняется с широтой. Эти знания каждый судоводитель ценой тяжкого труда и опасностей накапливает всю жизнь – и по собственным наблюдениям, и по чужим рассказам. Ибо кораблевождение – это не пошлое ремесло, как у сапожника или трубочиста. Это искусство сродни игре на арфе или скрипке – разве что вместо струн – полторы сотни тросов и снастей...

Но все же – черт возьми – плавание окончилось удачей. Он пересек океан не попав в шторм или штиль, не потеряв ни одного человека из команды и доставил ценный груз по адресу. Осталось лишь дожидаться пока люди Компании заберут свое добро, получить от них коносаменты на груз, принять на борт ром или индиго – и отплыть обратно. А года через два, когда «Дублону» и впрямь придет время отправляться на корабельное кладбище... Впрочем – может он еще выкупит его и отремонтирует – корабль-то не так плох – все ж голландская работа! И из капитанов он станет судовладельцем.

Сейчас он вернулся мыслями ко дням долгого, трехнедельного плавания через Атлантику. Хотя все время дул попутный ветер пришлось все же немало потрудиться.

Из-за того, что штурмана на борту не было, почти все дневное время и изрядную часть ночного он проводил на палубе, чаще всего в сопровождении боцмана.

Причем в конце плавания между ними состоялся довольно занятный разговор. На траверсе Бермуд боцман предупредил, что они приближаемся к водам, где сильно возрастает риск столкнуться с пиратским кораблем.

– И что же будет, мистер Тернер, если они нас обнаружат? – спросил Питер, больше побуждаемый любопытством, нежели страхом.

– Если на горизонте появится черный флаг, мы незамедлительно спустим свой, – невозмутимо ответил Уильям. – Они вышлют абордажную команду, поднимутся на борт и заберут все, что пожелают.

И мы просто так сдадимся? Не сопротивляясь?

– Бесполезно. Нас всех тут же перебьют и вышвырнут за борт.

– А потом? Я слышал пираты убивают всех пленников...

– Бывает и так – вздохнул боцман. Но обычно все обходится без лишней крови. Пираты ведь не чокнутые головорезы а если подумать, деловые люди навроде всяких джентльменов из Ост-Индийской компании к примеру... Даже больше – немало наших парней присоединится к пиратам. Сам я не видел, но старые моряки рассказывали, что бывало что от всей команды оставалось два-три человека во главе с капитаном. Бывало даже что и капитаны соблазнялись... Ну вы человек честный и справедливый, – словно спохватился боцман, – так что само собой это не про вас.

Ну вот – бывает что даже отпустят вместе с кораблем – наш «Дублон» тем более старый и стоит недорого. А если нет – то просто посадят в шлюпку вместе с пассажирами и отправят на все четыре стороны.

Но вообще то это как команда решит. В Береговом братстве у капитана не много власти над простым матросом. Он вздохнул, и Питер некстати вспомнил о шрамах увиденных им на спине боцмана когда тот работал на палубе полуголый.

– Береговое братство? – переспросил Питер чтобы отвлечься от неподходящих мыслей.

– Это как бы вам сказать поточнее – так называют всех флибустьеров скопом, – пояснил Джон. – Желающие присоединиться к нему подписывают что то вроде договора...

– Как с чертом? – усмехнулся Питер.

– Скорее уж как водится между торговцами, когда они собираются проворачивать дела вместе... Понимаете, мистер Блейк, далеко не все из этих парней отъявленные мерзавцы...

Да – мысль о возможной встрече с пиратами тогда его не на шутку обеспокоила.

«Дублон» корабль не новый, но вряд ли пираты, узнав что они идут с грузом железа отпустили бы их восвояси.

Так что уж если случится такое – не знаешь что и делать – смеяться или плакать.

А то ведь выбросят пираты весь груз, не разобравшись что к чему...

Питер невольно вернулся мыслями в тот вечер – как раз накануне дурацкой дуэли, когда он в одиночестве – как и было приказано – мерил шагами палубу мирно покачивающегося «Дублона».

Он не сразу заметил как на причал выехала телега, груженная мешками, и запряженная парой тяжеловозов ирландской породы.

Правил ею ничем не примечательный мужичок вполне деревенского вида.

Позади на телеге пристроились еще четверо – три здоровяка – на вид поденщики или крючники, и немолодой лысоватый человек одетый как приказчик средней руки – в полукафтан серого сукна и желтые сапоги.

Питер даже удивился, что столь ценный груз везут под такой слабой охраной – но тут же вспомнил о необходимости соблюдать тайну, и мысленно согласился с мистером Ройтоном – или кто там был заказчиком – ибо приставить к телеге охрану означало оповестить весь лихой народ, крутящийся вокруг Лондонского порта – «Люди добрые – «Дублон»-то прошупать надо бы!».

Повозка остановилась напротив шхуны, и спрыгнувший с нее приказчик по хозяйски поднялся по сходням, навстречу Питеру.

Капитан Блейк? – сухо осведомился он не подавая руки.

– Да, мистер...

– Джек Джексон, – сообщил приказчик. Вы один на судне?

– Да – как и распорядился мистер Ройтон, – под непроницаемым взглядом этого типа Питер ощутил непонятно откуда взявшуюся мимолетную робость.

– Отлично. В каком трюме у вас железо? – так же сухо и деловито задал вопрос Джексон.

Повинуясь негромки отрывистым приказам мистера Джексона, его спутники без труда растащили мешки на телеге – судя по всему в них была какая-то ветошь для виду, и выволокли два не очень больших, но увесистых бочонка.

Затем по заботливо подставленным доскам – тоже привезенным с собой, их по очереди спустили на камни пирса и с натугой закатали по сходням на палубу – сперва один, потом – второй.

Тем временем мужик привел в готовность корабельную лебедку и сдвинул крышку трюмного люка – словно занимался этим всю жизнь.

(«Вот странно – а на моряка не похож!» – удивился про себя Питер.)

Потом, ловко орудуя стропами и лебедкой бочонки спустили вниз, как убедился Питер – аккуратно воткнув их среди упакованных в дубовые клетки железных чушек.

После этого люк был вновь закрыт и крышка закреплена.

Напоследок Джексон протянул Питеру запечатанный конверт.

– Тут указано – кому передать груз в Порт-Ройале – сообщил он. За ним придут, скорее всего, в первый же день...

Распрощавшись с неулыбчивым мистером Джексон, Питер спустился в каюту и тут же вскрыл конверт.

Самое обычное письмо на самой обычной бумаге, написанное четким писарским почерком, с бледным почти неразличимым оттиском печати конторы «Ройтон и Бриксвит».

В нем капитану Блейку предписывалось отдать «указанный груз» поверенному в делах «Ройтон и Бриксвит» на Ямайке Николасу Грэму по предъявлении распорядительного письма от фирмы «Ройтон и Бриксвит». И больше ничего...

От мыслей и воспоминаний его отвлек шум на палубе.

Выбравшись из каюты Питер с тревогой, непривычно сжавшей сердце увидел как у борта, на дощатом пирсе, столпилась компания солдат в истрепанных красных мундирах.

Главный – немолодой лейтенант, уже стоял на трапе, отодвинув оробевшего вахтенного...

И вот тут...

Вот тут Питер почувал второй раз в жизни непонятный холодок в затылке – почти такой же как перед той дуэлью с чертовым Альфредо.

Или это прибыли за грузом? Но ни о чем таком его не предупреждали – золото должны были забрать люди Компании... Да и лица у солдат были злые и напряженные.

– Нас кажется берут на бордаж! – пробормотал он.

Кто-то тронул его за рукав.

– Погодите паниковать, мистер Блейк – прошептал неслышно подошедший Билл. – Возможно, это всего лишь вербовочная команда.

У Блейка слегка отлегло от сердца – и в самом деле, случилось что испытывая нехватку в людях, военные – что пехота, что моряки, не церемонясь, ловили матросов – и своих и иностранных – и силком загоняли в рекруты.

Но обычно это делалось на суше, в кабаках и прочих злчных местах, а жертвами были лыка не вяжущие пьяницы... Неужто местных офицеров и джентльменов так подперло что они не могут подождать пока его команда сойдет на берег?

– Давайте я поговорю с ними, попробую заморочить им мозги.

– Добрый вечер, господин лейтенант. Проходите, не стесняйтесь... – Эй, Фред! – окликнул он кока. – Рому джентльменам, да поживее!

– Прошу прощения, мистер, – сухо прервал его офицер, – но нас интересует отнюдь не выпивка. Мы разыскиваем пиратов, и мы их, похоже, нашли, клянусь Богом!

Кто здесь капитан Питер Блейк. Вы? – обнаженная шпага чуть поднялась, указывая на боцмана.

– Я капитан! – вышел вперед Блейк. Чем обязан, джентльмены?

– Вы обвиняетесь в сообщничестве морскому разбою, обмане судовладельцев и краже вверенного вам груза, – грубо произнес лейтенант, поправляя сбившийся засаленный парик.

Джойс, Меллори – заковать! – – вперед выступили двое солдат позванивающих уже приготовленными кандалами.

Питер в растерянности позволил надеть на себя цепи, равнодушно глядя как бельмастый сержант навесил на них солидный кованый замок, запиравшийся хитрым медным ключом.

– В тюрьму его! – бросил лейтенант рассыпавшимся по кораблю солдатам. И держите крепче – помните как Лейдер Полноги за борт вот так сиганул в цепях – так ведь и не нашли.

– Это просто дьяволышка какая-то! – только и смог вымолвить полушепотом Питер, пока угрюмые солдаты, подталкивая его прикладами в спину, вели его по грязной улочке.

Тюрьма оказалась недалеко – шли они всего минут десять.

У ворот они ненадолго остановились – пока лейтенант что-то зло говорил часовым у ворот.

Все еще растерянно озиравшийся Блейк остановил глаза на высоком дереве, росшем в тюремном дворе – раскидистой сейбе. И не сразу понял – что это...

Уродливое громоздкое сооружение, подвешенное к нижним ветвям, жалобно поскрипывало, едва заметно раскачиваясь на ветру. Это была железная клетка, которую сплошь облепили большие черные птицы. При их приближении они взмыли в воздух, шумно хлопая крыльями, но далеко не улетели, рассевшись по соседним ветвям.

Ему случалось и раньше видеть повешенных подобным образом. С детства помнились вываливающиеся сквозь решетку побелевшие кости скелетов в таких вот клетках на стенах Плимутской цитадели, не забыл он и обмазанное дегтем тело матроса в кандалах на входе в Бристольский залив. Но в Англии все было по-другому. Там преступника сначала казнили, тогда как здесь помещенный в клетку человек был еще жив. Своими крючковатыми клювами стервятники успели выклевать ему глаза и ободрать до костей мясо. Кровь капала с истерзанных щек, застывая темными лужицами в пыли и смрад от него исходил, как от уже разложившегося трупа. Внезапно тело несчастного конвульсивно задергалось. Полчища навозных мух взвились в воздух и закружились над закачавшейся клеткой сердито жужжа. Узник в клетке слабо пошевелил рукой и разжал губы, словно пытаясь что-то сказать.

Конвоиры задержались на несколько секунд, прежде чем тронуться дальше, видать для того чтобы жертва прониклась ужасом. И хотя Питер был не из пугливых – труса в море вообще не место, но своей цели они вполне достигли.

Он плохо помнил как его приволокли в кордегардию, где лейтенант что-то вполголоса доложил другому офицеру – которого как смог понять Питер, звали майор Кортни. Затем его сдали с рук на руки тюремщику – здоровенному детине воняющему псиной.

У подножия первого лестничного пролета его втолкнули в довольно просторную камеру, что находилась в ряду десяти или дюжины таких же камер, куда вели прочные кованые решетки или двери, усаженные металлическими болтами.

– Апартаменты как раз для вас, сэр пират, – сказал тюремщик, захлопывая за Питером решетку и запирая ее на ключ – один из многих висевших у него на поясе. – Вы будете жить в этой гостинице вместе с другими убийцами, грабителями и мятежниками. Я уверен, здесь вы будете как дома.

...Сил Блейка едва хватило, чтобы лечь на влажную солому, покрывавшую каменный пол.

На полу валялись кучи прелого сена, в углу стояло зловонное ведро свет пробивался в крохотное незастекленное окошко где-то под самым потолком. Массивная решетка, отделила его от мрачного коридора подобно границе между миром живых и миром мертвых.

* * *

...Его провели в кабинет начальника тюрьмы. Там его встретило два хорошо одетых человека представившиеся как судья Харрис и вице-губернатор Модифорд. Они восседали за столом, крытым красным сукном, а сбоку пристроился лысоватый стряпчий с чернильницей и бумагами. Питер поймал его сочувственный взгляд. За другим столом сидели офицеры – два лейтенанта и майор Кортни.

Комната была ярко освещена, пламя дюжины восковых свечей плясало на сквозняке из открытой двери.

– Кто вы такой и откуда? – деревянно спросил его Харрис, не поднимая глаз от бумаг.

Лицо Модифорда осталось неподвижным.

– Ваше имя? – повторил вице – губернатор вопрос.

– Я еще не менял его...

– Потрудитесь говорить мне «сэр». Ваше имя?

– Питер Блейк.

– С какой целью вы завербовались на судно «Дублон» компании «Бриксвит и Ройтон»?

– Им требовался капитан, сэр Харрис.

– Почему вам было оказано такое доверие? Вы раньше сталкивались с кем то из упомянутых джентльменов-арматоров?

– Нет, сэр, – просто им требовался капитан, и мои рекомендательные письма их устроили.

– Кого из пиратов вы знаете лично? – вступил в разговор Модифорд.

– Никого сэр! Бог уберег меня от знакомства с морскими разбойниками, – нервно сжал пальцы Питер.

– Когда вы первый раз встретились с капитаном Гудли? – казалось не расслышав вопроса продолжил Модифорд.

– Не имею чести знать этого человека...

– Сэр!

– Не имею чести знать этого человека, сэр...

– Кто вас свел с Инглэндом? – вновь вступил в разговор Харрис.

Про Инглэнда капитан Блейк кое-что слышал, поэтому возмущенно вскочил.

– Это какая-то ошибка! Я повторяю что не имею ничего общего с пиратами!

– Кстати – сколько там было золота?

– Пятьдесят тысяч фунтов стерлингов в соверенах. Два бочонка.

– А откуда вы знаете точную цифру если не крали его?! – довольно воскликнул Харрис.

– Сэр – сумма была указана в письме адмирала Берли!

Модифорд снова усмехнулся:

– Допустим – но как вы объясните пропажу вверенного вам золота?

Блейк самым подробным образом изложил историю со злополучным грузом.

– То есть вы действовали по поручению судовладельца? – гудел рассерженным шмелем Харрис.

– Да...

– Сэр!

– Да сэр!

– Это было в Лондоне?

– Именно так, сэр. Возле Ньюгейтских доков.

– Вы не могли бы поподробнее описать людей, участвовавших в сделке? – напомнил о себе Модифорд.

– Ну, я знал только мистера Ройтона... – он сморщился тщетно пытаясь припомнить невыразительное лицо.

Бакенбарды седые... А – там еще был привратник – у него бородавка вроде была – на правой щеке. Или на левой?

Судья поглядел на Модифорда. Тот плотоядно улыбнулся.

– Мистер Ройтон, войдите!

На пороге кабинета появился лысый низкорослый толстячок в ялом камзоле и узких обтягивающих жирный зад штанах. На пряжках красных башмаков поблескивали аметисты.

– Мистер Ройтон, – осведомился Модифорд. Вы встречались когда-нибудь с этим человеком?

– Это и есть тот самый капитан? – осведомился толстяк. Ну что ж – впредь мне наука – не доверяй наем капитанов посторонним. Обязательно найдут какого-нибудь соплика да к тому же проходимца...

Питер похолодел.

– Я его не знаю! Это не Ройтон!

– Ну что можно сказать? – с обреченной печалью усмехнулся новоявленный судовладелец. После того как стараниями этого молодого джентльмена пропали пятьдесят тысяч золотых – я не удивлюсь если у него и второй Джереми Ройтон припасен. В ужасные времена мы живем, джентльмены...

Разрешите я откланяюсь, господа – мне нужно писать отчет для Компании, да и моему партнеру тоже письмо послать необходимо.

– Ну так что вы можете сказать нам по этому поводу, мистер Блейк? Или не Блейк и уж точно не мистер?! – продолжил Модифорд. Как вы объясните что ваш хозяин от вас отказывается? О да – вы конечно можете заявить что вас самого обманули! Но вот какая штука – вы ведь знаете как положено оформлять судовые документы? Тогда коносамент на груз? Где поручительное письмо? Где разрешение на вывоз золота?

Или вы не знали, капитан, как карается контрабанда в нашем королевстве?

– Но сэр, ведь... мистер Ройтон... то есть тот человек... показал мне бумагу с подписью самого лорда Берли!

– Так где же эта бумага? – рявкнул судья. – Ваши вещи сейчас просматривают – она там не завалялась, случаем?.

– Что ж, обыскивайте!

В это время вошел солдат и объявил, что в каюте Питера ничего не нашли.

– Ничего?

– Да сэр – ничего, кроме грязного белья, книг и карт.

– А золото? – с идиотским видом спросил судья.

– Так точно сэр! Нашли три гиней и соверен...

Судья покраснел но быстро с собой справился.

– Впрочем, достаточно я думаю, джентльмены... – пробормотал он расстегивая ворот камзола.

Отведите мистера... мистера пирата в камеру... Думаю – для суда у нас есть все что нужно.

...Дни в ожидании суда тянулись на редкость однообразно. Казалось бы – какая скука может быть в тюрьме – а вот поди ж ты!

Каждое утро ему приносили ведро воды и другое ведро – для испражнений. Раз в неделю в тюрьму привозили на запряженном быками возу свежей соломы, и обитатели камер меняли кишевшую паразитами старую солому, устилавшую пол. Каждый вечер из кухни приносили

буханку грубого черного хлеба размером с тележное колесо и большой железный котел. Котел был полон очистками и обрезками овощей, сваренных с мясом волов видать околевающих от старости.

Тюремщик оделял всех куском хлеба и миской бурды – на этом трапеза и заканчивалась. После обеда его таскали на допросы.

Они были похожи один на другой как две капли воды или скорее как два пропойцы в канаве у затрапезного трактира.

– Вопрос первый. Знает ли Питер Блейк, где находится груз, каковой ему поручили доставить согласно приказу мистера Ройтона?

– Нет, – отвечал Питер, глядя в желтые глаза судьи. – Капитан Блейк ничего не знает о грузе, о котором вы говорите кроме того что уже сказал. И по моему вам следует разобраться – с какой стати мистер Ройтон такое важное дело поручил неизвестно кому?

– Вам уже объяснили что дела – согласно договору – вы должны были вести через стряпчего, нанявшего вас на службу! – рявкнул судья. Не вам обсуждать резоны уважаемого негодянта! А вот почему вы вопреки договору по вашим словам связались с неизвестно кем – непонятно? Я вот подозреваю что ничего такого не было, а вы эту историю выдумали когда оказались в руках правосудия! Хорошо, продолжим.

– Вопрос второй – не скажет ли обвиняемый Питер Блейк где скрываются его сообщник пираты, которым он передал похищенный груз?

– Мне ничего не известно о грузе и ни о каких пиратах!

– Повторяю вопрос...

Похоже допрашивающие его судья – к которому присоединялись иногда заседатели колониального суда – полковник Керри и Модифорд не испытывали никаких чувств да и вообще как будто отрабатывали номер в бродячем театрике – с ветхими масками и деревянными мечами. Иногда правда что-то начинал говорить его защитник – барристер⁶ Чарльз Роу(да – ему назначили защитника: видать вздернуть его намерены со всеми формальностями).

Все происходило почти также как в первый день... Вот и сейчас...

– Невиновен? – хохотал судья Но ведь золото исчезло!.

– Я не несу за это никакой ответственности, сэр, – повторял как заведенный Блейк. Как капитан я отвечаю только за доставку груза. Я не виноват что люди с которыми я заключал договор оказались гнусными мошенниками и подсунули вместо золота дурацкие булыжники.

– Вы ошибаетесь, и я вам это докажу! – вновь расхохотался Керри. Согласно закону, любая взятая в море добыча принимается на учет для отчисления ее стоимости в пользу короны. Если золото по-вашему было краденным – стало быть оно может быть приравнено к пиратской добыче. То есть вы отвечаете если не как вор то как сообщник воров!

То есть укрыватель краденного! А то что вас обманули сообщники – то это не имеет касательства к закону. Но я уверен что вы были в это все посвящены! Это доказывается, во-первых, тем что вы услали команду с судна, во вторых...

– Я вижу, английское судопроизводство в вашем лице приобрело весьма смелого реформатора, сэр, – позволил себе с юмором висельника сострить Блейк.

– Но имейте в виду: таковые ваши действия я считаю незаконными, нарушающими хартию вольностей, «Хабеас Корпус»⁷ и права английского подданного!

– Можете жаловаться лорду – канцлеру или архиепископу Кентерберийскому – смеялся заседатель. Но золото украли – и вы за это ответите!

– Почему же я сам-то с этим золотом не исчез?

⁶ Долгое время адвокаты в Англии делились на три категории – низшая – «атторнеи» или «солиситоры», барристеры и наконец сардженты, или «королевские адвокаты», наиболее влиятельные и известные.

⁷ Закон о неприкосновенности личности от 1679 года.

На невыразительном лице Харриса мелькнула усмешка.

– Не прикидывайтесь младенцем, мистер Блейк! Сообщники могут вас вознаградить впоследствии или уже сделали это.

– Прекратите эту никчемную и оскорбительную игру, сэр! – сказал Блейк, потеряв терпение.

– Молчать! – заревел судья, грохнув по столу кулаком так, что стряпчий испуганно отшатнулся. – Запереть эту шельму, и пусть в камере помечтает о крепкой пеньковой веревке!

За криками он скрывал досаду. Как юрист он понимал полную бездоказательность обвинения. Но ему важно было оправдаться перед Лондоном каким-то подобием расследования после исчезновения золота.

* * *

Растянувшись в камере на охапке соломы, Питер предавался невеселым размышлениям о своей будущей судьбе. Шансы на то что с ним поступят по закону и справедливости он оценивал не шибко высоко – раз уж ему оказалось суждено стать жертвой столь подлого замысла... Почему поневоле в голову лезли разные печальные мысли. Сейчас вот он вспоминал историю, которая приключилась в Плимуте в годы его детства...

Там перед судом предстала шайка Грязного Гарри – грабившего путников на окрестных дорогах. Он и не особо зверствовал то, но уж то ли попался местному лорду на зуб, то ли ограбил не того, кого надо – в общем и он и его люди были выловлены и предстали перед присяжными.

Суд приговорил всех семерых к виселице, а что до главаря, то он был наказан так сказать и посмертно. Особым пунктом приговора тело Грязного Гарри, закованное в цепи, было воспрещено погребать. Его выставили на всеобщее обозрение на виселице, специально установленном в квартале где он жил раньше – в назидании так сказать всему городу.

Выслушав приговор, Грязный Гарри рассмеялся в лицо судье, и философски пожал плечами:

– Ну что ж – стало быть побуду еще немножко на свежем воздухе, когда мои «шестерки» будут уже гнить в земле.

И он действительно долго качался на ветру, пока воронье клевало ему глаза.

Не раз и не два ребята прибегали посмотреть на ужасного висельника – давясь от страха и отвращения но тем не менее подзуживая друг друга и бившись об заклад – кто ближе подойдет к зловонному трупу?

Питер отвлекся от воспоминаний – его кто-то окликал.

– Эй, капитан с «Дублона»? Ты там жив еще? Не подойдешь? Поговорить бы?

Питер подошел к решетке.

За решетчатой дверью соседней камеры сидел крепкий коренастый широкоплечий человек – по виду моряк, хотя судя по всему – застрявший на берегу и пропившийся до дыр.

– Эй, джентльмен, ты кто будешь?

– Можешь звать меня мистер Питер – мистер не знаю как тебя! – буркнул капитан.

– Ну а меня можно звать Джон, просто Джон. Хотя некоторые зовут – Окорок. Я в юности было дело, на коптильне работал, окорока коптил – оттого и прозывают.

– Ты пират? – зачем-то спросил Питер?

– Я оклеветанный честный моряк, – ответил с достоинством Джон. Как и ты, скоро буду приговорен к смерти. Думаю, на день-два нас оставят в покое, пока не соберут трибунал. Придется подождать.

– Говорите, вас Джон зовут? – продолжил беседу Питер. Незнакомец его не очень интересовал, но разговор позволял провести время и отвлекал от мыслей о тяжелой доле и печальном будущем.

– Угу. Батюшка с матушкой именно так нарекли. Ну за что ты тут сидишь можешь не говорить – уже вся тюрьма ставки делает – повесят тебя или нет.

Да еще спорят – то ли никакого золота вообще не было, то ли его стибрили сами здешние господа!

– А какая разница? – пожал Питер плечами. Для меня, по крайней мере?

– Большая! – Окорок наставительно поднял кривой, сломанный когда-то и неровно сросшийся палец. Если золотишко еще в Лондоне схомячили – тогда пошлют тебя на каторгу. Им лишь бы дело закрыть – а если доживешь и выйдешь – то доказывай что ты тут не при чем хоть до Второго Пришествия! А вот если местные начальники к этому лапу приложили – табак твое дело: вздернут. Как пить дать вздернут! А с трупа известное дело взятки гладки!

– Ох ты! – выпучил глаза Окорок. А что это у тебя за наколочка такая? Питер взглянул на обнажившееся из под закатанного рука рваной сорочки предплечье. На нем пять лет назад в далеком Кадисе меднокожий мастер из Нового Света выколол девиз, который он мечтал поместить на свой будущий родовой герб. Теперь же... Интересно – как будет выглядеть эта надпись на его гниющем трупе?

– Это? Молодой был и глупый... – ограничился он коротким комментарием.

– Да нет – не про то спрашиваю! Написано то что? То-то разбираю плохо – темновато...

Скорее всего пройдоха вообще не умел читать – ну разве что трактирные вывески, – и Питер невольно улыбнулся.

– «Обрученный с ветрами» там написано!

Окорок только что не подпрыгнул.

– Обрученный с ветрами, говоришь, – с непонятым удивлением протянул он. Ну ладно...

– Так слушай – словно спохватился он – Расскажи-ка братец как все там было с этим золотом.

Питер был не расположен особо много говорить на столь неприятную тему – но все же беседовать с живым человеком было лучше чем молча смотреть в потолок, поневоле представляя виселицу или плаху перед внутренним взором.

И усевшись на корточки напротив выглядывавшего из-за решетки Джона, он принялся рассказывать о том что произошло пять дней назад.

...В тот день он спустился, звеня цепями кандалов, в сопровождении двух судейских в засаленных мантиях и майора Кортни в трюм «Дублона»... С ними было несколько портовых крыс-чиновников в обтрепанных кафтанах. Кроме того – майор Кортни также приказал собрать весь экипаж «Дублона» – и не только как свидетелей вскрытия ценного груза.

Экипаж столпился у открытого люка, пока восемь матросов во главе с осунувшимся Тернером растащили вымбовками и таями ящики с ядрами, пока стоявшие с зажженными лампами солдаты и чиновники бдительно взирали на происходящее.

Вот и те самые бочонки.

Кортни внимательно осмотрел их.

– Вроде закрыты плотно, смолу никто не обдирал – сообщил он, о чем барристер Роу тут же сделал запись.

– Ладно – давай ломай, – скомандовал комендант Тернеру. Боцман охотно принялся за работу.

Трещало дерево клепок, скрежетали медные обручи – но тяжелый лом в руках Билла в минуты справился с дубом и металлом.

Зрители в молчании изучили содержимое.

– Ну и кого ты хотел обмануть, мерзкий пират?! – грубо толкнул Питера майор.

С остановившимся сердцем Питер взирал на высыпавшееся содержимое. Ржавый чугунок, рыжий от времени, свинцовые бесформенные куски – видимо от старых кровель и водосточных труб, булыжники...

– Увести – грубо бросил один из судейских. Все ясно, милорды... И на что надеялся этот безмозглый вор и пират?

– Эй, – как тебя там, Питер? – донеслось из соседней камеры.

Приподнявшись на локте, Блейк посмотрел на едва различимую в полутьме фигуру Джона.

– Чего?

– Слух вот прошел, Питер – что суд будет завтра... Так что крепись, брат – в конце концов если подумать, все мы умрем...

– Эй там, – пробасил тюремщик! Пора уже спать, смертнички! И не вздумайте вешаться – ублюдка который попытается убить себя я все равно откачаю и потом перед казнью изобью до смерти, – и расхохотался собственной мрачной шутке. – И тихо там! Или я поднимусь и познакомлю вас со своей Мэгги-Семихвосткой – и громко щелкнул по камню стен кожаной плеткой с узлами.

* * *

Суд и в самом деле состоялся назавтра.

Был он скорый, судейские задавали вопросы явно с намерением быстрее покончить с этим неприятным делом и отправится пить вино и играть в бридж...

Питер односложно отвечал, но спрашивали его не часто...

Лишь однажды произошла заминка, когда слово взял барристер Роу – было упомянуто что де Питер не имел никакой «каперской грамоты» и капером быть не мог (и в самом деле не мог – да и зачем ему?).

Тут Роу явно от безделья встал, и спросил у судьи Харриса.

– Милорд, прошу вас объяснить разницу между пиратом и капером.

– Капер располагает свидетельством, выданным правительством его страны на время войны, и поэтому по закону является военным служащим. Пират – грабитель и преступник, он грабит с разрешения одного Повелителя Тьмы Сатаны, – важно пояснил судья.

– Что ж. Прошу высокий суд извинить меня за задержку. Защита закончила.

– Отлично! Тогда можно и нам заканчивать, – лицо Харриса приобрело довольное выражение, и он радостно осклабился. – Мы удаляемся на обед и обдумывание приговора. Заседание возобновится сегодня в четыре часа дня. Отведите его в тюрьму.

Чтобы не возиться лишний раз с кандалами, тюремщик отправил Питера в маленькую камеру наверху.

В ней его продержали пару часов – не дав даже воды.

Потом свели по темной лестнице в зал, наполовину заполненный скучающей публикой.

...Встать – суд идет!

Не дожидаясь пока охранник пнет его, Питер поднялся.

– Обвиняемый, – торжественным голосом начал судья. Сегодня, мммм апреля, одна тысяча шестьсот...бу-бу-бу года колониальный суд Ямайки под председательством ...сэра бу-бу-бу, эсквайра, рассмотрев доказательства... бу-бу-бу ... неопровержимо установил, что вы составили подлый заговор с целью грабежа, воровства и пиратства. Во исполнение сего адского плана вы по гнусному наущению Врага Рода людского украли вверенный вам груз и отдали его неведомым нам сообщникам. Тем самым вы содействовали пиратским действиям и грабежам кораблей и имущества подданных Его Величества и иных торговых народов бу-бу-бу...

Именем короля Карла Стюарта, да хранит его Господь, и властью данной им, суд признает вас виновным, и вы осуждены... бу-бу-бу...

Голос старого сморчка Харриса доносился до него как из под земли...

Достоин смертной казни...

– Но вот что я скажу – скрипучий баритон судьи вдруг зазвучал в ушах капитана явственно – словно из ушей вытащили вату.

– Виселица – ваш дом родной, но она слишком хороша для вас. Я заменяю смертный приговор вечными каторжными работами. Вы будете проданы как последний негр, ибо сами вычеркнули себя из числа благородной расы цивилизованных людей... Уведите!

Когда Питера выводили из зала, он услышал как какая-то расфуфыренная леди злобно фыркнула и в досаде взмахнула рукой.

– Боюсь, достопочтенный судья допустил ошибку. Ему следовало приговорить этого вора и злодея к сожжению на костре.⁸

* * *

Под утро Питеру Блейку приснился родной Портленд. Небогатый дом, в котором он рос, почти не видя отца, месяцами пропадавшего в море. Мать, постаревшая прежде времени от волнений и тревог жены моряка, брат и две сестры... Где они теперь? Он покинул этот дом в двенадцать лет, поступив юнгой на корабль друга отца – Эрдвина Джоли, а потом – и на отцовскую «Чайку»...

Он не был на похоронах матери, не был на свадьбе сестры, брат тоже выбрал судьбу без него... Семьи можно сказать нет – брат невесть где. Сестра, слава богу, сейчас замужем за голландским купцом, живет если не припеваючи, то вполне безбедно. Наверное хорошо что они не узнают... Ну а он... Что ж, ему тоже выпала не худшая доля. Сколько раз он мог бы потонуть в пучине? Сколько народу вообще не доживают до его лет – двое его старших братьев умерли еще малышами?

Хотя конечно горько будет честному человеку страдать без вины и умереть под кнутом как последнему черному рабу. Если подумать – рабу легче. На него, бедолагу, ошейник надел такой же дикарь как он – варварский злобный царек. А его, Питера Блейка осудили почтенные люди в париках и мантиях – причем зная что он не виновен...

Блейк не был слабаком... Но в каждом даже самом крепком и храбром мужчине живет маленький мальчик, и теперь этот малыш готов был разрыдаться. Но малыши могут пожаловаться маме или отцу – а тут в этом сером склепе пустить слезу можно было лишь на глазах скотов-надсмотрщиков, да еще крыс – вон одна из них, по хозяйски усевшись на полу, вытянула в его сторону дрожащий нос...

По коридору время от времени топотали шаги охранников, иногда кто-то из них заглядывал в камеру – не сбежал ли арестант?

Потом до погрузившегося в мутный полусон Питера донесся негромкий разговор.

– Ну ты ж давно тут стоишь, отдохни...»

– Да уже почти сутки, Фокс. Но ты ж пойми, я не могу – служба!

– Разве я против службы? Посидишь в кордегардии, посмотришь – должен же кто-то смотреть – не идет ли кто? А я покараулю пока тут, потом тебя разбужу. – Я тебя выручу, ты меня выручишь в свое время.

– Уф, спасибо, приятель! Плетку если хочешь возьми...

⁸ Последняя казнь на костре в Англии состоялась в 1776 году, а последний закон предусматривающий ее применение формально действовал до 1990 г. Что занятно, именно эта мера наказания предусматривалась согласно ему за... предсказание погоды.

– Да не надо – ненадолго же...

Потеряв интерес к разговору, Блейк опять задремал, и обратно его вернул в реальный мир скрежет петель – какую-то камеру по соседству отперли. Послышалась быстрая перебранка шепотом, а потом лязгнув, повернулся ключ в замке и капитанского узилища. Привстав, Питер с удивлением обнаружил что загораживая собой проход стоит и смотрит на него никто иной как его сосед Джон. За его спиной маячил еще кто-то – и Блейк с удивлением узнал в нем одного из тюремщиков, виденного мельком...

– Тише! – предупреждая его изумленный возглас прошипел Джон. Вставай и пошли – или оставайся – но только быстро!

Понимая что каким-то непонятным чудом он спасен, и одновременно – что время для вопросов сейчас неподходящее, Питер вскочил, и покинул камеру, последовав за надсмотрщиком и Джоном.

В конце коридора оказалась старая дверь за которой обнаружилась темная лестница спускавшаяся вниз.

Надсмотрщик отпер ее одним из висевших на поясе ключей, и они спустились при свете свечи в его фонаре.

Они вышли на заднем дворе тюрьмы между старых телег и ящиков...

Стараясь ступать бесшумно все трое двинулись к ограде, где у ворот в сторожке мерцал огонек масляного светильника.

На цыпочках надсмотрщик подкрался к окошку, забранному мутноватым стеклом в деревянных переплетах.

– Все в порядке, – сообщил он поворачиваясь к узникам. Старый Борн храпит как сурок зимой.

Джин с белладонной – самое хорошее снотворное – уж поверьте мне парни! Трижды на моей памяти таким пойлом глушили охрану – ну а сейчас я постарался.

«QUIS CUSTODIET CUSTODES?»⁹ вспомнил Питер застрявшее в голове со времен школьной латыни.

Отодвинув засов, они выскользнули через боковую калитку, не забыв плотно прикрыть за собой створку – чтобы распахнутый вход в тюрьму не вызвал подозрение у случайных прохожих – и углубились в лабиринт окраинных лачуг Порт-Ройяла.

Недолго проблуждав, они вышли на окраину города...

Навстречу им из зарослей, стараясь не шуметь, выбрался человек – и не успев толком испугаться Питер с изумлением узнал в нем своего боцмана.

– Билл?? – только и выдохнул он. Ты?

– Да, капитан, – кивнул Тернер. Куда же мне еще деваться?

– Тут, джентльмены, наши пути расходятся, – сообщил надсмотрщик. Вам туда – он махнул рукой в сторону затянутых ночной дымкой гор, а мне в порт – скорлупка моего свояка выходит в море с часу на час...

И повернувшись, скрылся за заброшенной полуразвалившейся хижинкой.

Питер подумал что так и не узнал его имени...

– Прежде чем ты решишь – какой толщины свечу поставить во здравие старого Эдди Мерфи, который нас сюда привел, имей ввиду что ему за мою свободу было заплачено двести фунтов, – это была первая фраза сказанная Огороком за время их бегства. – Тюремная крыса просто сообразила что таких денег ей и в пятнадцать лет не заработать со всеми взятками и поборами – и решила что служить королю дальше смысла нет. Кстати – за твою свободу между прочим я доплатил пятьдесят фунтов – так что можно сказать я тебя купил, не хуже чем если бы тебя вывели на рынок и продали плантаторам!

⁹ «Кто устережет сторожей?» (лат)

– Но зачем? – Питер по прежнему ничего не понимал.

– Зачем я удрал из тюрьмы? – пошутил спутник. А будто сам не понимаешь?

– Нет – зачем я вам нужен?

– Уж не за твои красивые глазки, парень, – вновь ухмыльнулся в бороду Джон. Просто – у меня тут неподалеку в бухточке стоит как и у чертова сына Мерфи маленькое суденышко. И на нем был бы нелишним штурман – чтобы доплыть в одно веселое местечко...

– И куда же? – брякнул все еще пребывающий в растерянности Питер. Сумма заплаченная Джоном поражала воображение – четверть тысячи фунтов! Такие деньги не всякий адмирал получает!¹⁰ Не у всех помещиков такой доход! Его отец за всю жизнь не накопил столько!

– Неужто не понимаешь? На Тортугу!

– Так вы все таки пират? – зачем-то спросил Блейк.

– Дружище, – тихо рассмеялся Окорок. Пират тут один уже есть – это ты. Насчет чего и приговор королевского суда со всеми печатями и подписями имеется! Меня-то только на той неделе должны были судить!

Блейк не нашел что ответить.

К нему подошел боцман, протянул узелок.

– Возьмите, капитан – это ваши вещи – какие я смог взять. Жаль, шпагу вашу себе забрал тот майор...

– Ты то зачем здесь? – поднял на него глаза все еще не верящий до конца в происходящее Блейк.

– Ну как же – я ж тоже на подозрении! Да и честно говоря – противно стало... Если уж с таким как вы достойным человеком так поступили – то мне самая дорога в пираты...

Питер вздохнул, пожалев товарища – его подчиненный выходит сам сунул голову в петлю...

– Давайте парни, пошли, – подтолкнул Питера в поясницу кулаком Джон. Торопитесь – скоро уже рассветет...

– Да – мистер Питер, – спохватился Тернер, – вот, возьмите – эту вещицу я тоже спрятал. В руке его в лунном свете что-то блеснуло желтым и багряным.

Питер протянул руку – и в ладони его оказалось украшение д' Аяллы...

* * *

К восходу солнца они оставили город далеко позади и поднялись довольно высоко в горы, откуда открывалась великолепная панорама раскинувшейся внизу равнины. Не желая рисковать при свете дня, Джон свернул в лес, и дальнейший путь они продолжали под сенью корявых и изломанных горных сосен, обильно украшавших склоны гряды.

Чем дальше они углублялись в горы, петляя по едва заметной тропинке, тем глуше становилась окружающая местность. Часто попадались большие осыпи красного глинозема, перемешанного с валунами и обломками скал. В таких местах следовало соблюдать сугубую осторожность: рыхлая, еще не успевшая слежаться почва легко начинала скользить и уходила из под ног.

Наконец они добрались до вершины и их открылась цепь глубоких ущелий, заполненных серым волокнистым туманом. Его рваные клочья время от времени вырывались из глубины, тяжело взлетая над теснинами, подобно сухим листьям под легким ветерком.

¹⁰ Жалование вице-адмирала в британском флоте даже в XVIII веке составляло со всеми официальными доплатами 600 фунтов в год, и то если он состоял в действующем флоте, но многие были вынуждены довольствоваться половинным жалованием находясь на суше. Еще в конце XIX века доход в сотню фунтов в год считался в Англии достаточно приличным. —

Чтобы продраться сквозь густые перевитые лианами заросли, приходилось низко опускать головы. Незнакомые жестколистные кустарники с остроконечными верхушками и терпко пахнущими цветами покрывали скалы... Перейдя протекающий по дну каньона стремительный ручей, они вновь начали подниматься к следующему перевалу, за которым нас ждало очередное ущелье.

К полудню Питер потерял счет подъемам и спускам, с унылой регулярностью сменяющим друг друга, и смертельно устал, поэтому очень обрадовался, когда Джон объявил привал. Они остановились на отдых на берегу широкой реки.

Джон отправился на разведку, а Питер с Тернером присели на гладкий камень и вздохнули.

Только сейчас капитан понял что спасен...

За весь день они не встретили ни одной живой души и не заметили по дороге никаких признаков человеческого присутствия.

Сразу за очередной излучиной петляющей реки они наткнулись на преградившую путь отвесную стену.

Питер смотрел во все глаза, но не находил и намека на проход в сплошных зарослях у подножия, куда ныряла уходящая под землю река. Джон, однако, придерживался на сей счет иного мнения. Уверенно подойдя к скале, он раздвинул руками зеленый полог из растений, за которым обнаружилось темное зияющее отверстие.

В пещере было темно и сыро, сквозь невидимые амбразуры под потолком пробивался дневной свет. Вскоре впереди замаячил конец туннеля и выход наружу.

Пробивавшиеся сквозь листву нависающих над рекой деревьев солнечные лучи волшебным образом преображали воду, придавая ей нефритовый оттенок. Через некоторое время деревья поредели, и река привела их к окруженному лесом живописному полукруглому озеру, упиравшемуся в отвесную гранитную стену. Из широкого отверстия центре скалы мощный поток воды, в пене и брызгах низвергался в озеро. Оно было глубоким, но таким чистым и прозрачным, что просматривалось до самого дна. По берегу над водой нависали ажурные ярко-зеленые зонтики гигантских папоротников. Стайки рыбешек сновали в разные стороны. Их чешуя отражала солнечные лучи, подобно серебряным монетам. Спустившись вдоль вытекающей из озера речки они оказались на берегу маленькой уютной бухточки, которую почти со всех сторон обступили отвесные скалы.

И почти у самого берега Питер с удивлением и некоторой растерянностью увидел покачивающийся на волнах двухмачтовый бриг и людей на берегу. Отраженные морской гладью и белым песком пляжа солнечные лучи слепили глаза, и ему пришлось сощуриться, чтобы разглядеть, что творится на берегу полумесяцем вдающейся в сушу бухты. Массивный корпус пиратского корабля возвышался над копошащимися вокруг него людьми, подобно кому-нибудь морскому чудовищу вроде библейского Левиафана.

– Это и есть твое суденышко? – с некоторой растерянностью осведомился он у спутника.

– Ага, – добродушно усмехнулся Джон, жуя травинку. Именно так! Мое маленькое суденышко – где как раз был бы нелишним штурман! Пошли, братец Питер.

Навстречу им уже спешили люди.

Вскоре их уже окружила пара дюжин загорелых, бородатых мужчин, с ног до головы обвешанных оружием и одетых кто во что горазд. Одни по пояс голые и в каких-то невообразимых обноски. Другие в обычных матросских рубашках и парусиновых штанах; на головах пестрые шейные платки или вязаные шерстяные шапочки.

Третьи в дорогах, хотя потрепанных и рваных костюмах из шелка и атласа, отделанных кружевами и золотым шитьем, и щегольских широкополых шляпах, украшенных павлиньими и страусиными перьями. Но все, без исключения, с ножами, тесаками, пистолетами и тяжелыми патронташами через плечо, набитыми картечью и пулями.

Возглавляли толпу двое. Первым был остроносый метис лет двадцати пяти с кожей цвета меди, пышной шевелюрой длинных вьющихся волос, перевязанных алой лентой, высоким лбом и широкими скулами. Его круглое, открытое лицо немного портил длинный нос, однако большие черные глаза слегка навывкате смотрели на окружающий мир с веселым задором, вызывавшим невольную симпатию. Широкоплечий, невысокого роста, но отлично сложенный, в великолепном темно-синем камзоле с отделкой из алого шелка и молочно-белых штанах, он выглядел почти таким же франтом, как какой-нибудь лондонский щеголь.

Второй являл собой полную противоположность спутнику. Босоногий, в расстегнутой до пупа рубаше и грязных парусиновых штанах, он едва доходил метису до плеча, зато обладал отменной мускулатурой, словно свитой из крепчайших канатов.

Невысокий настороженно державший руку на рукояти засунутого за пояс мушкетона несколько секунд взирал на троицу гостей как на выходцев из Преисподней, а потом громко взревев, кинулся обнимать Джона.

– Джонни! Боже мой! Тысяча чертей и грота-рей мне в... Признаюсь, никак не рассчитывал вновь встретить тебя! Ну слава Богу – теперь то дела пойдут на лад! А то мы уж думали – пора команде разбегаться, удачи то нет... Ты пропал, вот третьего дня старина Линт откинулся...

– Как? – замер Джон. Капитан умер?

– Ага, – как показалось Питеру без лишней скорби пират. А что тут такого? Все равно бы пришлось гнать – он и раньше пил как конь а в последнее-то время вообще как с якоря сорвался.

– Что верно-то верно, – подтвердил кто-то. Если бы я столько пил, сколько старина Линт то давно бы уже успокоился в уютной яме...

– Так – а это кто с тобой? – глаза собравшихся уставились на Питера и Билла.

Это – пополнение команды...

Это Билли – ткнул он в Тернера, – бывший боцман, ну а это Питер Блейк, бывший капитан.

– Тот самый которого подставила Компания? – кивнул коротышка.

Ну привет Билл, – пожал он руку Тернеру. Ты сталбыть бывший боцман – а я теперяшний. Звать меня Кристофер Харвуд...

А это – указал он на метиса – мистер Джаспер Даффи, старпом... Ты, мистер Блейк будешь под его командой – потому как штурманами заведует он.

Впрочем – может вы и не покажетесь парням, так что сперва будет сходка. А пока – скажу тебе еще одну причину по которой я потратил на тебя полсотни честно добытых вольным морским промыслом гиней.

Подойди как поближе и прочти как называется корабль где тебе видимо предстоит служить...

Чуть не с открытым ртом Питер взирал на надпись медными буквами выложенную на корме. Простая и лаконичная – «Обрученный с ветрами».

– Ну, – хлопнул его по плечу Джон, – я как увидел твою наколочку так и подумал – парень как раз для моей лоханки...

В расстроенных чувствах Питер присел под пальмой. Тот индеец, выколовший разными цветами у него – еще несмышленного штурманского ученика – на руке три слова говорил что она должна принести ему счастье. Выходит он таки был прав: надпись эта по крайней мере спасла его от быстрой смерти в рабском бараке. А там уж – как повезет.

* * *

...Его и Билла на собрание не допустили, и они расположились немного поодаль, у костра, усевшись прямо на теплый песок и привалившись спинами к стволу поваленного дерева. Солнечный диск погружался в пучину, окрашивая морскую гладь от горизонта до линии прибоя в густо-оранжевые тона с кровавым оттенком. Последний отблеск угасающего светила отразился на миг багровым оком в несущихся к западу облаках, и тут же, без всякого перехода, вспыхнули звезды и ночь вступила в свои права. Тернер подбросила дров в огонь, и загудевшее пламя взметнулось ввысь, с громким треском разбрасывая во все стороны фейерверк искр.

До них доносился лишь неразборчивый гул голосов. Издали Джон напоминал выступающего в зале суда адвоката – куда там барристеру Роу. Противники вели себя потише и поскромнее, но приводили, видимо, столь веские аргументы, что после каждого их выступления многие согласно кивали или раздражались протестующими возгласами.

Затем все дружно встали, а к Питеру и Уильяму подошел Джаспер Даффи, объявил, что отныне они полноправные члены команды, и пригласил присоединиться к участникам сходки. Смущаясь и немного робея, они вошли в круг и подошли к столу, на котором лежали Библия и заточенный до того что им можно было и побриться абордажный топор с крюком. Капитан Джон вслух зачитал статьи корабельного устава, под которым Билл с Питером и еще несколько новичков должны будут поставить свои подписи, как уже сделали это все остальные.

I

Каждый член экипажа имеет право на участие в голосовании по насущным вопросам; он обладает одинаковым правом на получение свежей провизии и спиртных напитков, как только они будут захвачены; он может использовать их по собственному желанию, за исключением тех случаев, когда для всеобщего блага станет необходимостью ограничение в их потреблении.

II

Каждый член экипажа должен быть вызван, в соответствии с установленным порядком, на борт призового судна, потому что, свыше причитающейся ему доли захваченной добычи, он может еще взять себе смену белья. Но если кто-нибудь попытается обмануть товарищество и присвоить себе серебряную тарелку, драгоценности или деньги, то наказанием ему будет высадка на необитаемый остров.

III

Ни одному члену экипажа не позволяется играть на деньги в карты или в кости.

IV

Огни и свечи должны быть потушены когда пробьет восемь склянок. Если кто-нибудь из команды после этого часа все же захочет продолжать пить, то они должны делать это на верхней палубе.

V

Каждый член экипажа должен держать в чистоте и исправности пушки, пистолеты и абордажные сабли.

VI

Ни одному развратному мальчику или женицине не позволяется находиться на борту. Должен быть казнен тот, кто приведет переодетую женицину на корабль.

VII

Тот, кто самовольно покинет корабль или свое место во время сражения, приговаривается к смерти или высадке на необитаемый остров.

VIII

Никто не имеет права драться на борту судна, но любая ссора может быть разрешена на берегу с помощью сабли или пистолета. В случае, если обе стороны не смогли прийти к соглашению, квартирмейстер едет с ними на берег для того, чтобы проследить за правильностью дуэли и поставить противников спиной друг к другу на положенном расстоянии. Когда дается команда, они поворачиваются и должны немедленно выстрелить, иначе пистолет выбивается из их рук. В случае обоюдного промаха в дело идут abordажные сабли, и квартирмейстер объявляет победителем того, кто первым пустил кровь.

IX

Капитан и квартирмейстер при разделе добычи получают по две доли, шкипер, боцман и артиллерист – полторы доли, оставшиеся лица командного состава – одну долю с четвертью.

XI

Музыканты отдыхают только по воскресеньям, а в другие шесть дней и ночей не имеют на это права, если не получают специального разрешения.

II

Если случится, что кто-то скроет какую-нибудь тайну от компании, то он должен быть высажен на необитаемый остров с одним рожком пороха, одной бутылкой воды, мушкетом и пулями.

III

За кражу любой вещи у компании или за мошенничество во время игры виновник должен быть оставлен на необитаемом острове или застрелен.

IV

Пока этот устав сохраняет силу, всякий, кто ударит другого, получит по закону Моисея то есть сорок ударов плетью – по голой заднице.

VI

Подвергнется тому же наказанию всякий, кто гремит оружием, курит табак в трюме, не надев колпачок на трубку, или переносит зажженную свечу без фонаря.

VII

Тот, кто не будет содержать в чистоте и постоянной готовности свое оружие или же пренебрежет этим делом, будет лишен своей доли и наказан по приговору капитана и плотника.

VIII

Потерявшему в бою кисть или стопу полагается 400 реалов; потерявшему конечность – 800.

IX

Если мы повстречаем добропорядочную женицину и кто-то сунется к ней без ее согласия, немедленно будет предан смерти.

Так есть желающие сказать что-то? – осведомился Джон, как бы невзначай положив руку на эфес своей сабли. – Знает ли кто что-то что помешает этим ребятам вступить в нашу слав-

ную компанию? Нет? Вот и прекрасно. Тогда позвольте мне завершить церемонию. Готовы? – повернулся он Питеру и Тернеру. – Так, теперь правую руку на Библию, левую на топор. Клянетесь ли вы перед лицом Господа не нарушать статьи сего устава даже под страхом смерти?

Они встали лицом к лицу, скрестив руки, – его рука поверх Билла.

– Клянемся! – ответили они в унисон.

– Тогда подписывайте.

Вытащив из-за пояса нож, Кристофер рассек кожу на запястье у них, и подал гусиное перо. Они поставили свои подписи среди крестиков и грубых кое-как выведенных букв так близко одна под другой, что кровь смешалась с его.

Толпа восторженно взревела, хотя было не совсем понятно, чему они радуются: их посвящению в пираты или появлению кока с огромной двуручной серебряной чашей – в ней Питер не без некоторого напряжения узнал католическую чашу для причастия, до краев наполненной ромом. Джон пригубил первым и передал сосуд им. Тернер без видимых усилий поднес чашу к губам и отпил добрый глоток, умудрившись не пролить ни капли. Потом пришел черед Питера.

Огненная жидкость обожгла небо, язык и горло, но он не закашлялся, не желая ударить в грязь лицом перед командой. Подскочивший Джаспер с улыбкой избавил его от непосильной ноши, тут же приложился сам, за ним Харвуд, и дальше чаша пошла вкруговую.

– А сейчас, когда с болтовней покончено, давайте приступим к делу. Сначала надо выбрать офицеров.

Пираты приступили к выборам, и на это ушел час. Всем было ясно, кто на судне капитан. Старшего рулевого, штурмана, боцмана тоже выбрали без затруднений. С лекарем тоже не было вопросов.

Не хватало канонира, и его должность возложили на боцмана. Тот отнекивался, ибо не был знатным пушкарем – но взять офицера им было неоткуда. Со смехом Серебряный пообещал что как только они возьмут на abordаж первый же испанский галеон, он снимет с него артиллериста и поставит на место Кристофера.

А потом началось пиршество.

Повсюду горели костры, мужчины медленно вращали над раскаленными углями насаженные на огромные вертела цельные свиные и козьи туши. Пираты прикатали несколько бочонков рома, и дух хмельной бурды смешивался со сладковато-пряным ароматом специй и аппетитным запахом жареного мяса. Трубный сигнал рога, сделанного из большой морской раковины, возвестил о начале ужина. Ром лился рекой, и вскоре веселье перехлестнуло через край.

Самодельные барабаны из обтянутых сыромятной кожей котлов и бочонков с успехом заменяли оркестр, а сломанный тростник с помощью ножа легко превращался во флейты.

Но хотя музыка была громкой и назойливой, Питер настолько вымотался что постелив кафтан на песок, провалился в глубокий мрак сна без сновидений.

...Утром Питер пробудился изрядно продрогши – рыхлый песок под открытым небом охлаждается за ночь сильнее. Пираты уснули прямо там, где свалились накануне после ночной попойки. Пляж напоминал поле битвы после сражения, с той лишь разницей, что polegших в ней бойцов скосили отнюдь не картечь, сталь и пули.

Оглядевшись по сторонам, он ужасно обрадовался, увидев неподалеку разведенные костры, на которых готовился завтрак, и побежала греться. Он накормил его горячей кашей и напоил крепким чаем. Казалось, он рад видеть его как старого друга – хотя увидел лишь вчера впервые в жизни.

– Нравится тебе пиратская жизнь? – вдруг спросил Питер кока.

Тот широко улыбнулся, выставив на показ свои выдающиеся клыки.

– Я лучшей жизни и не знал, масса. Ты поймешь сам.

Питер сидел на деревянной колоде и с аппетитом поглощал сытное варево.

Вокруг поднимались ото сна члены команды, его товарищи. Начинался новый день и с ним – новая жизнь.

С завтрашнего дня Питер наравне со всеми приступил к работам на «Обрученном с ветрами».

...Кренгование – дело важное и ошибок не терпящее, так что пираты работали старательно и от души – как муравьи, обгладывающие половинку кокоса. Одни обдирали скребками ракушки и водоросли, наросшие толстым слоем на днище, другие конопатили и промазывали смолой швы, третьи отрывали и заменяли подгнившие и изъеденные древоточцами доски. Склонясь над верстаком и по колено утопая в опилках, плотник – седой, горбоносый усач ловко орудовал рубанком, распространяя вокруг неповторимый смолистый аромат свежеструганного дерева. Он перенес на берег целую грудку инструментов и устроил мастерскую под парусиновым тентом.

– Старина Родриго – отличный мастер, – ухмыльнулся Джон, проследив за направлением его взгляда. – Хороший корабельный плотник ценится на вес золота.

Джон приблизился к вытащенному на берег кораблю и прошелся вдоль обоих бортов, критическим взором оценивая проделанную работу.

– Неплохая посудина, но кое-что нужно поправить. Нужно дополнительно выпилить где-то с дюжину оружейных портов и разобрать часть надстройки на верхней палубе. Тогда она станет намного легче и маневреннее. Кроме того, Родриго обещал нарастить мачты, чтобы увеличить количество парусов. – Джон теперь и рассуждал, как настоящий пират, не пренебрегающий ни одной мелочью, позволяющей добиться превосходства над противником в скорости и боевой мощи. Молодец, быстро освоился! – Если получится, как задумано, все призы наши, а нам никто не страшен. Кроме Королевского флота, разумеется. Но с синими мундирами мы связываться не станем, просто удерем или на мелководе укроемся – благо осадка позволяет.

Невольно усмехнувшись, Питер с почувствовал, как отступают и улетучиваются тревожные страхи и тягостные сомнения. Кто бы мог подумать, что простая уверенность в завтрашнем дне так поднимает настроение!

Корпус очистили от водорослей и ракушек, и экипаж взялся за тросы. Корабль медленно выпрямился, сопротивляясь напору наступающего прилива.

Пока корабль лежал на берегу, плотники закончили подготовку новой мачты, и она ждала установки. Потребовалось общее участие, чтобы протащить длинный ствол на берег и поднять его на поручень. Снасти привязали к двум стоящим мачтам и подготовились к подъему.

Несколько команд взялись за веревки, Харвуд и Джаспер руководили ими; длинный блестящий ствол сосны установили вертикально. Джон Серебряный никому не доверил важнейшее дело – установить основание мачты в отверстие главной палубы, постепенно опуская ее так, чтобы она встала на кильсон корабля. Эта тонкая операция потребовала усилий пятидесяти человек и заняла почти весь день.

– Отличная работа, парни! – сказал Джон когда мачта преодолела последние несколько дюймов и ее основание гулко встало на место. – Трави помалу!

Больше не поддерживаемая тросами мачта прочно стояла сама по себе.

Харвуд, стоя по пояс в воде лагуны, крикнул на палубу:

– Горе купчишкам. Попомните мои слова: через три дня мы выйдем в море.

Джон улыбнулся ему сверху вниз, стоя у поручня.

– Только сначала поднимем на мачту снасти. А этого не произойдет, если ты будешь стоять разинув рот. Где клинья для закрепления мачты? Мистер Блейк – не зевать!

Питер вздрогнул, сильно покраснел под темным загаром и схватил тяжелый деревянный молот. А ну – напустился Джон на трех негров. Помогайте – что стоите! Эй, черные парни! Вы видать забыли как стояли на помосте и вас продавали как баранов? Хотите попасть в плен

и быть также продауными! А ну работать – понятно! А то я пожалею что освободил вас! Слышали?

– Да, капитан! Мы вас слышали. Не сердится – вы нам как наш отец, – за всех ответил старший из них – Рибби.

– Отец?? – в притворном гневe вытаращил глаза капитан Джон. Да я скорее отрубил бы свой отросток тупым топором, чем стал отцом таких, как вы! А ну натягивать снасти!

Утерев пот со лба, Тернер присел на кучу коротких бревен, сложенных штабелем под пальмой.

– Эй, парень – ты чего уселся на нашу артиллерию? – над ним стоял посмеиваясь рулевой Набс.

Хотя чего уж там – сиди...

– Какие еще пушки? – недоуменно подал плечами Тернер, хотя на всякий случай встал со штабеля.

– Да наш капитан придумал одну хитрую штуку!

Набс указал на кучу бревен, лежавших на песке:

– Видишь их? Ты думаешь это что? Эти и есть наши пушки, говорю тебе.

– Пушки? Ты так налег на ром, что уже не можешь отличить бревна от пушек, приятель!

– Но тот, кто увидит эти бревна с палубы своего корабля, не сумеет отличить их от пушек, – неожиданно раздался резкий голос.

Тернер обернулся и увидел Кристофера.

– Неужели вы действительно собираетесь использовать бревна в качестве пушек?

– Разве я не говорил тебе, что наш новый капитан – великий хитрец? – усмехнулся тот. Это ведь не моя затея а его.

– Только последний дурак может принять бревна за пушки, – заявил Тернер.

– Это потому что ты служил в «смоляных куртках»¹¹ – потому тебе так и кажется. А я скажу что эти бревна будут очень похожи на пушки после того, как мы их обстругаем, покрасим хорошенько и вставим в амбразуры.

Издаleка они будут выглядеть весьма устрашающе. А устрашение, – боцман улыбнулся, – это основное правило игры. Если пушек мало – какой к черту промысел?!

– Да – пушек у нас немного, – кивнул Тернер. И добавил – Настоящих само собой.

– Немного, – что есть то есть. Правда пирату пушек всегда не хватает, не так ли? Чем больше пушек, тем быстрее сдается противник. Если сдастся без боя, тем лучше. Потому что мне не хочется рисковать жизнью людей. И не хочется потерять свою.

Поверь, дружище, старому головорезу, – проникновенно понизив голос сообщил квартирмейстер, – твоя жизнь дороже всех сокровищ, ибо за гробом ты за все свое золото не купишь даже кружечки пива чтобы напиться в Аду.

– Но не лучше ли тогда никого не грабить? – осведомился Тернер.

– Хороший вопрос... – хлопнул его по плечу Кристофер.

Знаешь, Билли – меня столько раз пытались убить что и не упомнишь.

Испанцы и французы, и турки и мавры. Я сам католик – за что был бит соплеменниками англичанами. А католики-французы однажды сбросили меня в море по подозрению, что я гугенот. – Думали этим умиловить бурю. Но вышла ошибка: буря не унялась и они утонули. А меня, представь, спасли нечестивцы турки. Во мне четыре дырки после которых я был недалек от того чтобы покинуть этот грешный мир. И всякий раз я давал себе слово что встав на ноги уберусь с палубы и вообще не выйду в море.

Но вот всякий раз возвращался... Может это судьба, сынок?

¹¹ «Смоляные кутки» жаргонное название нижних чинов в английском военном флоте эпохи паруса.

* * *

Погода стояла прекрасная, ветер дул попутный, и шли они на запад, огибая Эспаньолу. Новоиспеченный старпом – Даффи, пока не очень доверял Питеру – хотя принял своего помощника довольно приветливо. Правда откровенно высказался что пока Питер не наберет опыта плавания в этих обманчиво ласковых водах – быть ему лишь на подхвате. Тем более что зима приближалась, а с ней и начало сезона штормов. Даже самые отчаянные головы не рискуют в это время года пускаться в длительное плавание. О свирепости ветров в здешних краях ходят легенды. Они налетают внезапно, зарождаясь где-то на океанских просторах, набирая силу по мере приближения к островам и всей своей мощью обрушиваясь на незащищенные берега. Жестокие шторма и ураганы валят лес на протяжении многих миль, сносят крыши вместе с домами, нагоняют чудовищной высоты волны и несут ужасающей силы ливни, способные в одночасье смыть множество селений и посевов. Они оставляют за собой лишь трупы, развалины и запустение, проносясь над городами и всея смертоносным дыханием разгневанного бога.

Питер не являлся новичком и от бывалых людей слышал, как это бывает. Яркий солнечный день в мгновение ока сменяется непроглядной ночью, вокруг корабля горами расплавленного зеленого стекла вздымаются гигантские волны, а море от горизонта до горизонта становится белым от пены, подобно заснеженной равнине. Старые моряки описывали циклопические размеры водоворотов и смерчей, способные в считанные секунды засосать в воронку или вознести в облака судно с полным грузом и со всем экипажем, вспоминали, как у них на глазах разносило в щепки трехпалубные линейные корабли с сотнями моряков на борту и как пропадали без вести и следа целые эскадры и конвои, застигнутые штормом вдали от берегов.

Питера это не очень пугало. Ясные сине-зеленые воды Карибского моря, белые коралловые рифы, пестрые тропические рыбы и пышная растительность произвели на молодого моряка гораздо более сильное впечатление, чем берега Старого Света. Детство в Бристоле, походы на отцовском корабле в Средиземное море, «Дублон», суд и тюрьма остались казалось далеко в прошлом. Он открыл для себя новый мир, мир, полный опасностей и жестокости, но таивший в себе нечто привлекательное и неуловимое, имя чему – надежда.

Он нес утреннюю вахту на баке, искоса наблюдая за странным поведением старпома. Безоблачный рассвет обещал ясный, солнечный день, но Джаспер упорно продолжал торчать на носу, переходя от левого борта к правому и обратно и озабоченно вглядываясь в разрезаемую форштевнем морскую воду.

– Эй, новичок, а ну подойди и глянь – что ты видишь? Ну, посмотри на воду?

Питер посмотрел.

– Вода как вода, ничего особенного.

– Еще раз и внимательнее! – насупился Даффи.

Питер посмотрел, напрягая зрение. Вода. Морская. Прозрачная. Соленая. Однако, присмотревшись повнимательнее, Питер тоже заметил кое-что...

Движение волн утратило размеренную упорядоченность и направленность и сделалось хаотичным и непредсказуемым. Они то накатывались на корпус корабля одновременно с двух сторон, то устремлялись прочь, то опадали вдруг и тут же снова начинали медленно набухать огромными маслянистыми пузырями. Корабль реагировал на эту свистопляску нервной дрожью и время от времени взбрыкивал, как норовистая лошадь.

– Черт, до чего же мне все это не нравится! – в сердцах стукнул кулаком по балюстраде Джаспер и перевел взгляд на паруса, чтобы определить направление ветра. Он постепенно усиливался, но пока оставался умеренным, и тут Питер подметил еще одну странность: направление ветра не совпадало с направлением движения волн.

– Взгляни-ка туда... – Даффи протянул Питеру свою подозрительную трубу и помог сфокусировать объектив на стае птиц, забравшихся так высоко в небо, что до нас не долетали их крики. Пернатые беспорядочно крутились и металась из стороны в сторону, издали напоминая выходящих над свечой ночных бабочек. – Что скажешь?

– Скажу, что земля где-то рядом, – пожал Питер.

Джаспер нетерпеливо потрянул головой.

– Ты что, не понимаешь? А еще капитанил! Это не чайки и не бакланы, это перелетные птицы. Они всегда летят строго по прямой, не отклоняясь, но сейчас их что-то встревожило или напугало, заставив потерять голову и сбиться с курса. – Сложив трубу и сунув ее в карман, он гаркнул: – Боцман! Свистать всех наверх! Убрать фок и грот, зарифить топселя!

Загнусабили дудки помощников боцмана, и высыпавшие на палубу матросы ринулись выполнять приказ, взбираясь по вантам и скатываясь кверху тяжелые полотнища. Шум и суматоха разбудили Джона. Он выскочил из своей каюты в одном нижнем белье, злой как черт, и потребовал объяснений.

– Какого дьявола ты приказал убавить ход?! – набросился он на Питера.

– Надвигается шторм, капитан, – спокойно ответил штурман.

«Окорок» недоверчиво хмыкнул, но возразить не успел: ветер внезапно изменил направление и заметно посвежел.

– Клянусь осьминогом, ты прав, парень!

– Посмотрите туда, сэр! – закричал один из марсовых на грота-рее, махнув рукой в южном направлении.

С головы у него сорвало шляпу и отнесло далеко в море, где она еще долго прыгала с гребня на гребень, пока не затонула. Он попытался добавить что-то еще, но слова его подхватило налетевшим шквалом и разметало на отдельные звуки. С каждым мгновением ветер усиливался, заунывно завывая в снастях сонмищем злобных духов. Чтобы не сорваться, марсовый уцепился одной рукой за ванты, другой же продолжал указывать на юг, где через весь горизонт пролегла черная полоса, схожая с береговой линией, которой там не могло быть.

– Эй, наверху! – рявкнул капитан во всю глотку, стараясь перекрыть шум ветра. – Взять все рифы и приготовиться к оверштагу.

– Боцман! Живее! – Джон наклонился над поручнями и крикнул рулевому у штурвала: – Держись крепче на развороте! А вы, парни, молитесь всем своим богам, у кого какие имеются, – повернулся он в сторону налегающих на брасы матросов. – Сейчас мы попробуем от него оторваться. Заодно и посмотрим, на что годится наш красавец!

В тот день Джон доказал всем, что по праву считается одним из лучших пиратских капитанов. Как у любого человека, у него были свои недостатки, но в умении управлять кораблем в критической ситуации ему не было равных. Люди ворчали и ругались, стонали и плакали, надрываясь из последних сил, но никто ни на миг не усомнился в своем капитане. Все его команды и распоряжения исполнялись немедленно и беспрекословно. Будь это обычный шторм, Джон и вся команда встретили бы его лицом к лицу и потягались на равных со свойственной корсарам бесшабашностью и слепой верой в удачу. Но то, что надвигалось на них, вынудив развернуться в обратном направлении и улепetyвать во все лопатки, принадлежало к категории таких природных явлений, к которым неприменимы привычные человеческие мерки. Их нельзя предвидеть или предотвратить, и противостоять им простому смертному так же бессмысленно и бесполезно, как пытаться вычерпать море ложкой.

Ветер то и дело менял направление, и обессиленным матросам снова и снова приходилось наваливаться на брасы, чтобы положить корабль на другой галс.

– Кэп держит курс на Багамы! – крикнул Питеру в ухо Джаспер. – Хочет укрыться за островами с подветренной стороны.

Блейк кивнул, не имея особого желания надрывать глотку понапрасну. Рев ветра заглушал и перекрывал все остальные звуки. Сгустившаяся в небе тьма окутала «Обрученного с ветрами» мгlistым саваном. Видимость сократилась до двух шагов. Море сплошь покрылось белыми барашками пены. Порывами ветра ее клочья срывало с гребней и швыряло в лица матросам вперемешку с солеными брызгами. Перечеркивая змеевидными зигзагами клубящиеся над головами черные тучи, вспышки молний выхватывали из мрака перевернутый вверх тормашками мир. Палуба то и дело уходила из-под ног, вертикально кренясь с носа на корму и обратно, когда корабль переваливался с волны на волну, сначала натужно взбираясь наверх и зависая горизонтально в неустойчивом равновесии, а затем стремительно, как на салазках с горы, скатываясь вниз по противоположному склону.

С высоты гребня зияющая под днищем пропасть казалась бездонным провалом, ведущим напрямик в преисподнюю. Волны окружали корабль со всех сторон, возвышаясь стеной за кормой, нависая хищным клювом над бушпритом и смыкаясь справа и слева исполинскими клещами. Достигнув нижней точки провала, шхуна глубоко зарывалась носом, и всех, кто находился на палубе, окатывало с ног до головы бурным потоком, подхватывающим и уносящим в пучину все, что осталось незакрепленным: полные и пустые бочки, короба и ящики, инструменты и свернутую рулонами парусину.

Мачты гнулись под натиском ветра, угрожая переломиться или вырваться из степсов.

Питер старался не думать, каково сейчас приходится Уильяму, оставшейся наверху с марсовыми, чтобы маневрировать парусами. Он сам прошел всю школу от юнги до шкипера, и знал – каково это передвигаться по скользким реям, управляться с отяжелевшими от воды парусами и удерживать равновесие в противостоянии с качкой, то и дело меняющим угол креном и порывами ветра, ежесекундно угрожающими сбросить вниз человека как жалкую мошку...

Но не было времени бояться – ибо сейчас требовалось отдавать команды.

– Взять два рифа у марселей! – крикнул он появившемуся боцману. – Трави булина, брасопить к ветру, марселя долой, подтянуть тали на реях!

– Не хочу сомневаться в твоих талантах, дружище – но я взял бы четыре рифа и убрал бы грот.

– Давай!

Через десять минут они по команде подоспевшего с бака Джона взяли на гитовы контрбизань и повернули через фордевинд, чтобы идти вместе с бурей. А еще какое-то время спустя взяли на гитовы все марселя и пошли под одними снастями. И тут гигантская шальная волна, вынырнув откуда-то сбоку, нанесла предательский удар по правому борту. Корабль так сильно дал левый крен, что поручни фальшборта скрылись под водой. Повиснув на снастях параллельно вставшей под прямым углом палубе, Питер в неподдельном страхе зажмурился и приготовился к смерти, нисколько не сомневаясь, что сейчас шхуна перевернется вверх килем и накроет всех, кто еще остался в живых. Сердце перестало биться, дыхание прервалось, истекли последние секунды и... Неизвестно, откликнулся ли Господь на их молитвы – молитвы пиратов и головорезов, или просто испанские корабли потрудились на славу, но когда он снова открыл глаза, корабль уже начал медленно выправляться... Левый борт пробкой вынырнул из воды, и «Обрученный с ветрами» вновь обрел вертикальное положение.

Питер с трепетом ожидал повторения только что пережитого кошмара, однако следующая волна оказалась слабее первой, и шхуна только сильно накренилась, но бортом не зачерпнула. Шторм продолжал бушевать и яриться, но вскоре он подметил, что волнение начинает постепенно стихать. Корабль по-прежнему швыряло из стороны в сторону, но теперь он гораздо лучше сохранял остойчивость и перестал зарываться носом, проваливаясь в промежуток между накатывающими один за другим валами. Даже вой ветра в снастях сделался не таким зловецим и уже не так безнадежно перекрывал человеческие голоса.

* * *

На пятый день плавания потрепанный «Обрученный с ветрами» отдал якорь в порту Тортуги.

Народ радостно принаряжался – надевая лучшее что было в сундуках и мешках. Смотрелось иногда это очень смешно – например флотский мундир с кружевной оторочкой, на который еще было нашито неумелыми стежками побольше золотого шитья – при этом одевший его был в ветхих штанах и босиком. Или шляпа шириной с тележное колесо по последней парижской моде а ниже – шелковый жилет с двумя рядами золотых пуговиц на голое тело. Или кавалерийские брюки с позументами, ботфорты, и бархатная треуголка с пышным павлиньим пером – но вот только на нарядившемся так помощнике парусного мастера Джессопе не было даже сорочки. Дубленные шеи и мозолистые пальцы с навечно въевшейся смолой от канатов украсили массивные цепи с медальонами и перстни, искрившиеся самоцветами.

Так что Питер в своем кое-как отстиранном капитанском одеянии выглядел довольно бледно среди расфуфыренных товарищей – поэтому решил украсить свой камзол брошью д'Аяллы – сойдет за пиратскую добычу. И вот вместе с прочей командой Блейк сошел на берег. Идти ему было некуда – точнее он не знал – где обычно проводят время пираты. Поэтому двинулся туда же куда и все.

По пути от них отделялись группки по три, по пять человек – кто-то вспоминал про друзей, кто-то – про знакомых девчонок...

Но дорога большей части команды брига завершилась у таверны «Золотой якорь», названной, как впоследствии выяснил моряк, в честь одной из легенд о Моргане – что якобы бросив собратьев по ремеслу в бухте Чагрес и увезя панамские сокровища, он подвесил вместо якорей большие золотые слитки.

– Добро пожаловать, господа! – Разбитная молодая женщина лет двадцати с небольшим окинула их оценивающим взглядом и уверенно повторила: – Добро пожаловать!

Бесцеремонно подталкивая в спину, она провела их в глубь зала и усадила за свободный столик. Высокая и темноволосая, с изящно очерченным личиком, она поначалу произвела на него благоприятное впечатление, но позже он подметил, что в глубине ее глаз цвета морской лазури таится холодная расчетливость, а в играющей на чувственных губах приветливой улыбке проскальзывает что-то ехидное.

Похоже перед ним была разбогатевшая и вовремя ушедшая с панели продажная девица... А как может разбогатеть проститутка? Либо подцепив какого-то старого распутника, либо наловчившись хорошо очищать кошельки пьяных клиентов...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.